Евгения Сафонова

Риджийский гамбит

Дифференцировать тьму

Евгения Сафонова

Риджийский гамбит. Дифференцировать тьму

«Эксмо»

2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Сафонова Е. С.

Риджийский гамбит. Дифференцировать тьму / Е. С. Сафонова — «Эксмо», 2023 — (Риджийский гамбит)

ISBN 978-5-04-181433-5

Шахматный гений, хакер, геймер, ботан и очкарик – это Снежка. Она колючая и серьёзная, недоверчивая и мстительная. Она не верит в сказки, но попадает в одну из них. Только вместо прекрасного принца, магического дара и звания Избранной ей достаётся участь спутницы романтической героини и куклы колдуна. А ещё мир на грани войны, рабский ошейник, тюрьма жестоких Тёмных и совсем не светлые Светлые. Снежка вступает в главную игру своей жизни, где ставка – выживание и свобода. Но сможет ли она выиграть в этой партии, располагая лишь собственным интеллектом? Ведь когда всё вокруг оборачивается не тем, чем кажется, это круто меняет правила. Как и симпатия к игроку по ту сторону доски… Первая книга дилогии «Риджийский гамбит» Евгении Сафоновой, автора цикла «Сага о Форбиденах» и дилогии «Некроманс». Магический мир оказывается совсем не таким, как в книгах, хотя здесь тоже идет своя игра, и ставка в ней – жизнь. Враг, которого хочется уважать, противник, которого стоит опасаться, – и человек, чье присутствие заставляет сердце биться быстрее. Слишком опасное сочетание, чтобы все сложилось просто. Яркая запоминающаяся героиня и неожиданный взгляд на привычный сюжет. История, опровергающая все каноны жанра и смеющаяся над клише. Издание дополнено иллюстрациями популярной художницы Полины Граф.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-181433-5

© Сафонова Е. С., 2023
© Эксмо, 2023

Содержание

Глава 1 12
Глава 2 28
Глава 3 44
Конец ознакомительного фрагмента. 58

Евгения Сергеевна Сафонова
Риджийский гамбит. Дифференцировать тьму

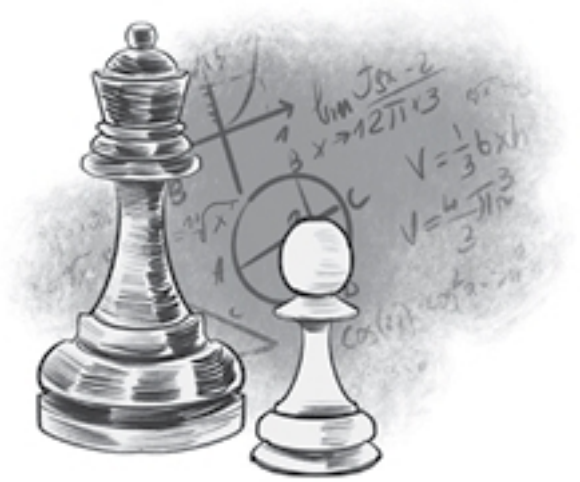
© Сафонова Е.С., текст, 2023
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Посвящается потрясающей команде «Альянс» и Джонатану Бергу с Келли Онг – в особенности.
Фан[А]т навсегда

To the amazing team «Alliance» – s4, Akke, EGM, Loda, Admiral Bulldog – and Jonathan Berg with to Kelly Ong especially.
[A]lways a f[A]n

ДИФФЕРЕНЦИРОВАТЬ – отличить один из элементов некой группы от прочих (книжн.); отличить все элементы некой группы друг от друга (книжн.); изменяя нечто однородное, разделить его на ряд различных элементов (книжн.); вычислить дифференциал (матем.)
ПЕРЕФРАЗИРУЯ СЛОВАРИ

Ты когда-нибудь чувствовал, что тебе не хватает того, кого ты никогда не встречал?
РИЧАРД БАХ «МОСТ ЧЕРЕЗ ВЕЧНОСТЬ»



Переступая тем вечером порог университета, я думала, что очередной заурядный сессионный день приближается к своему заурядному концу.

И, конечно, я полагала, что утонуть в центре Москвы может только полный идиот. А возможность переместиться в другой мир со всякой ерундой вроде магии и эльфов – исключительно антинаучная выдумка, рассуждать о которой всерьёз так же глупо, как защищать кандидатскую по теореме о причёсывании ежа [1].

[1] Реальная теорема, которая утверждает, что невозможно причесать ежа так, что ни один волосок не будет торчать: хотя бы одна иголка всегда будет направлена перпендикулярно поверхности ёжика. Не самое ценное знание в вашей жизни, зато вы улыбнулись, так ведь?

Как выяснилось получасом позже, ни одно из этих утверждений не являлось верным.

– Даже не верится, что мы сдали матан, – выдохнул Сашка, когда мы покинули бежевый замок главного здания. – Ох, ну и чушь я там понаписал! Как отправят на пересдачу…

– Да брось! – Я ободряюще хлопнула друга по плечу. – Ты же у меня списывал – значит, всё путём.

– Только английский остался! – Мари бодро стучала подушечками пальцев по экрану смартфона, отчитываясь в «Твиттер» о прошедшем экзамене. – И здравствуй, третий курс!

Хорошо летом, только жарко. Хотя стрелки часов уже перевалили за шесть, жара не думала спадать; солнце скатывалось лучами с оконных стёкол и нагревало асфальт, сочившийся прозрачным маревом. Покидая универ, наша компания студентов пока ещё второго курса ВМК [2] МГУ спасалась только ледяными банками колы – разжились после экзамена в профессорской столовке в главном здании. Жаль, чего покрепче там не продавали… Сейчас особенно пригодилось бы: большинство однокурсников не видело разницы между экзаменом по математическому анализу и допросом в застенках инквизиции.

Впрочем, чего покрепче ждало своего часа в рюкзаке у Мари – в виде маленькой бутылки виски.

– Надо отметить! – воскликнула нагнавшая нас Варя; видимо, её наконец удовлетворило селфи для соцсетей на фоне главного здания. – Кто хочет суши?

– Как последний сдадим, тогда и гулять будем, – отмахнулся Сашка. – Я сейчас только спать хочу – второй день на энергетиках, и те уже не помогают.

– Тогда хотя бы по набережной пройдёмся до «Киевской»!

– И вискарь разопьём, – добавила Мари, многозначительно похлопав по своему рюкзаку. – Заодно крепче спать будешь.

Предложение возражений не встретило, и мимо машин, перегревающихся в привычной вечерней пробке, мы спустились на набережную. Там сели на гранитный парапет, обрамлявший реку, и быстро разлили виски по початым бутылкам колы. Слабость захлестнула мои руки и ноги после первого же глотка – не могу похвастаться тем, что умею пить, но иногда устаёшь постоянно отбиваться от коллектива.

– У кого какие планы на вечер? – спросила Варя, прежде чем в очередной раз щедро приложиться к горлышку.

– Спать, – буркнул Сашка, осоловевший от сочетания бессонных ночей, энергетиков, виски и жары.

– Гамать, – ответила я бесхитростно.

– А я книжку по такому делу дочитаю, – сказала Мари.

– Опять розовые сопли про попаданок? – хмыкнула Варя. – Про очередную Самую Обыкновенную Девушку, которая вдруг оказалась в Типичном Фэнтезийном Мире, населённом Стереотипными Добрыми Эльфами и Силами Зла?

– Как сессию сдам и не нужно больше будет мозги разгружать, тогда и Достоевского твоего любимого продолжу грызть. А пока, извини, нет сил продираться сквозь предложения в абзац длиной, – парировала та. – И вообще, попаданки попаданкам рознь! Это же просто элемент сюжета, а не приговор. И только попробуй сказать, что никогда не хотела оказаться на месте той самой Обыкновенной Девушки – кто нам рассказывал, как в девять лет планировал свою свадьбу с Арагорном?

– Так то Арагорн, а не какой-нибудь слащавый картонный принц, – последовал невозмутимый ответ. – И, кажется, Средиземье никак не обвинить в том, что оно плохо продумано.

– Зато там те же Добрые Эльфы, которые борются с Силами Зла, но о которых ты почему-то отзываешься так пренебрежительно, как только их задействуют в других книгах! Вот ты

[2] Факультет вычислительной математики и кибернетики.

плюёшься словом «попаданки», а между прочим, что такое «Хроники Нарнии»? А «Гобелены Фьонавара», которые ты же мне и подсунула? Или «Алиса в стране чудес» Бёртона? А «Гарри Поттер», где, по сути, тоже другой мир, только на нашей же планете? Везде попаданцы, и везде они Избранные, которым суждено одолеть тёмные силы и всё такое! Если подумать, не больно-то отличается от…

– Вот только не равняй низкопробный ромфант с классикой фэнтези! Кей или Льюис даже рядом не стояли с этими…

– Чёрт, совсем забыл! – хлопнув себя по лбу, Сашка вскочил на ноги; подозреваю, по той простой причине, что ему не очень хотелось в десятый раз выслушивать вечный спор двух книжных червей с разными вкусами. – У меня же диск с игрой оплаченный в пункте выдачи рядом с универом лежит! Сегодня не заберу, обратно уедет! Сбегаю, пока не закрылся.

– Что за игра? – вяло осведомилась я. Усталость, алкоголь и жара разморили и меня.

– Так третьи «Лефт ин спейс» [3] вышли!

– Опять ужастики… Лучше б в стратегию какую со мной поиграл. Надоело с компом сражаться.

– Да у тебя разве выиграешь? Нет уж, уволь.

– Пройдусь с тобой за компанию, – поддакнула Варя, в свою очередь поднимаясь с парапета. – Только сегодня заказ привезли. Думала после английского забрать, но раз такое дело… Дождётесь нас?

Дружно заверив, что никуда мы не денемся (как выяснилось немногим позже, напрасно), мы с Мари пронаблюдали, как парочка торопливо карабкается обратно в гору, на которой сиял золотом шпиль главного здания. Зрелище, надо сказать, было приятным: Сашка негласно прослыл Прекрасным Принцем нашего курса, а Варя – Первой Красавицей. Шапка тёмных кудрей у него, грива золотых локонов – у неё. Он тонкий, звонкий, прозрачный, под два метра ростом, с васильковыми глазами и пушистыми ресницами. Она – с идеальной улыбкой, модельной фигурой и лицом Афродиты, будто созданная, чтобы шагать бок о бок с ним.

Не то что я.

– Ну и когда ты ему скажешь? – безошибочно разглядев тень на моём лице, протянула зоркая Мари.

Я отвернулась. Подтянув ноги на парапет, обняла руками колени и уставилась на позолоченную солнцем воду. Сейчас она почти не казалась мутной – и даже не вызывала ужасающих мыслей о её химическом составе.

– Никогда, – пробормотала я, прежде чем снова приложиться к бутылке с висколой. В любой другой раз промолчала бы… но, как показали дальнейшие события, доза спиртного в бутылке превышала предельно допустимую для того, чтобы я оставалась в здравом уме и в ладах с координацией. – Нужна я ему, как квадратному уравнению четвёртый коэффициент.

Я не обманывалась. Единственной любовью Сашки был компьютер, единственной страстью – игры, а единственной мечтой – изобрести человекоподобный искусственный интеллект. На пару со мной, потому что я – его лучший друг с первого класса физмат-лицея, куда нас отдали мамы. А даже будь это не так, достойную пару Прекрасному Принцу скорее составила бы Первая Красавица Варя. Или Классная Девчонка Мари (в миру Маша, но столь банальное имя её не устраивало) с её длинной рыжей косой и зелёными ведьминскими глазищами. Никак не Унылая Всезнайка Снежка – маленький, невзрачный, сутулый очкарик с тонкими волосёшками и прыщавым лбом.

Да, знакомьтесь, это я.

– Ты же даже не пробовала, с чего такой пессимизм?

---

[3] «Left in space» (*англ.*) – «Покинутые в космосе».

– Это не пессимизм, а реализм. А реализм – моё второе имя. – Я криво улыбнулась, прежде чем сделать ещё пару щедрых глотков. – Забей. Пройдёт однажды, как насморк. Любовь – просто сочетание определённых гормонов. Раз я считаю себя в силах создать искусственный интеллект, с собственным организмом тоже как-нибудь справлюсь.

– Вот вечно ты… – качнув головой, Мари в свою очередь приложилась к бутылке; развернулась, перекинув ноги на другую сторону парапета, так, что теперь они болтались над серой водой. – Тоже мне, калькулятор на ножках. Иногда кажется, я расслышать могу, как у тебя в голове постоянно циферки щёлкают. Всё-то надо взвесить, измерить и рассчитать.

– Да. Такая вот я. И измениться я не могу, – равнодушно откликнулась я, поправляя на плече любимый шопер с драконом. – Да и не считаю нужным.

Я не стала добавлять, что в жизни, в отличие от Машиных любимых книжек, чудес не бывает. Серые мышки не превращаются в принцесс. Принцам не нужны Золушки. Да и для Золушки мне достались неподходящее имя и скверный характер.

– Давай договоримся, Белоснежка, – однокурсница свойски хлопнула меня по плечу, – сдадим сессию, наберёшься храбрости и сделаешь это, ок?

– Нет. – Я почувствовала, что начинаю сердиться – не то оттого, что мне слишком настойчиво лезут в душу, не то от звучания дурацкого прозвища, подходившего мне ещё меньше, чем Злой Королеве из той же сказки. – Мари, давай закроем тему. Этот разговор контрпродуктивен.

– Как же ты иногда меня бесишь! Эти твои формулировки! – воскликнула та в ответ, пихая меня в бок. – Ты не можешь почаще вспоминать, что ты человек, а не робот?

…конечно, она не задумывала ничего плохого. Просто выразила досаду как могла. Вот только мы обе к тому моменту сидели на парапете над водой в не самой безопасной позе и изрядно набрались. Поэтому её толчок вышел мощнее, чем хотелось бы ей, а я пошатнулась сильнее, чем хотелось бы мне. Размякшее тело потеряло равновесие – и, ойкнув, я судорожно вцепилась в толкнувшую меня руку, балансируя на краю.

Тщетно.

Несколько секунд, в течение которых я, свалившись с гранитного парапета, летела в реку, растянулись в бесконечность. Потом вода залилась в глаза, в нос, в уши, в изумлённо открытый рот; я лихорадочно взмахнула руками, пытаясь разглядеть сквозь тёмную муть просвет поверхности, закашлялась – и хлебнула ещё.

Конечно, Мари не задумывала ничего плохого. Тогда ещё – нет. Но тогда это было и не важно, а важно – то, что я не умела плавать. И что я дёрнулась ещё пару раз, прежде чем боль сдавила грудь железными обручами и в глаза мне прыгнули странные зелёные пятна; потом зелень сменила звёздная синева, шум крови в ушах зазвучал как многоголосый смех – и всё исчезло.

Если б я тогда действительно утонула, то был бы один из самых глупых, достойных номинации на премию Дарвина способов расстаться с жизнью.

Впрочем, попасть в другой мир таким методом оказалось не менее досадно.

И, как бы там ни было, в последующие дни я убеждалась не раз: как бы мне ни хотелось верить в обратное, разум решает не всё. Ведь порой именно маленькие камешки человеческих глупостей приводят в движение лавины судьбоносных сил.

Первое, что я запомнила после того, как в моих глазах померк свет, – как кто-то пытается вдохнуть жизнь в моё хладное после утопления тело. Самым что ни на есть традиционным сказочным методом: тем, что романтики назовут поцелуем, а прагматики вроде меня – искусственным дыханием.

Осознав это, я распахнула глаза и резко села, едва не расшибив своему спасителю нос. Жадно вдохнула, судорожно закашлялась, и вода хлынула у меня изо рта.

– Что… кто… – отплевавшись, прохрипела я, лихорадочно моргая. Очки куда-то делись, и лицо спасителя, поспешившего отпрянуть, виделось сквозь пелену близорукости. Я отча-

янно сощурилась; когда это не помогло, вскинула руки, натянула веки, сделав себе «китайские глазки», и мир обрёл относительную чёткость.

Некоторое время я с удивлением разглядывала человека, сидевшего передо мной – с мокрыми волосами, в мокрой рубашке, поверх которой на моих глазах набросили длинные серые одежды, походящие на мантию колдуна. Потом, с ещё большим удивлением – на того, кто заботливо укутал промокшего товарища в сухое: юношу с кожей цвета серого пепла, с волосами цвета снега, с глазами цвета солнца.

Я уже видела таких, как он. На картинках. Или в играх.

Их называли тёмными эльфами, или дроу.

…а потом я решилась рассмотреть то, что ждало вокруг.

Вместо гранитной набережной Москвы-реки, залитой закатным солнцем, – тёмный сад. Пруд с чёрными мраморными бортиками. Обильно разросшиеся розовые кусты с серыми мёртвыми листьями. Бледные розы, светившиеся в окружающей их ночи мягким призрачным сиянием.

Что за?.. Может, я всё-таки утонула, и это – загробный мир? Хотя для рая мрачновато, а для ада чересчур готично. Разве что в качестве кары за неверие меня отправили в лимб, а тот со времён Данте сильно изменился?..

Я вновь обернулась к тем, кто, по всей видимости, вытащил меня из воды. Детали близорукость разглядеть не позволяла даже с «китайскими глазками», но я угадала на лицах обоих то же удивление, что лишило меня дара речи.

– Где я? – слова вышли хриплыми, как кашель простуженного ворона; горло горело огнём. – Как я сюда попала?

Мои слова вызвали у парочки странную реакцию: ничего не ответив, они многозначительно переглянулись.

– *Ех сагли фьер,* – ровно сказал тот, кто сидел рядом. Черты его лица терялись в темноте, и я видела лишь влажные русые волосы, облепившие овал белокожего лица. – *Хун мар фра хёдрум хейми* [4].

– *Ех скилди,* – отчего-то мрачно ответил дроу. С изящной небрежностью махнул рукой в мою сторону. – *Саз скерра нимюр* [5].

Человек в мантии вздохнул. Я едва успела задуматься о том, на каком языке они говорят, как он крутанул ладонью – и темнота, из которой я только что с боем вырвалась, ласково приняла меня обратно в свои объятия.

Только на этот раз было совсем не больно.

---

[4] Я же говорил. Она из другого мира (*риджийск.*).

[5] Я понял. Выруби её (*риджийск.*).

Глава 1
Закрытый дебют[6]

Проснулась я от страшного грохота – и, ещё не открыв глаз, поняла, что мне жутко холодно. Немудрено: в мокрой одежде на каменном полу не очень-то удобно.

…на каменном полу?..

Я рывком села и сощурилась, без очков ощущая себя беспомощной, словно улитка без раковины.

Я находилась в крохотной пещерке, вырубленной в тёмном сыром камне. Выход преграждала железная решётка, на пол даже соломы бросить не удосужились. По ту сторону ржавых прутьев на стене плевались искрами три факела.

Не требовалось быть семи пядей во лбу, чтобы понять: я в темнице.

Разбудивший меня грохот производила моя сокамерница – сквозь дымку близорукости я видела лишь то, что это длинноволосая блондинка в голубом платье. Похоже, моя ровесница. Она отчаянно колотила по решётке руками, ногами и невесть откуда взятым серебряным кувшином: должно быть, в нём нам оставили воду.

– *Лаута мих!* – вопила блондинка тоненьким голоском. – *Фу мунт сьял эфтир сви!* [7]

Стуча зубами, я обняла себя руками в судорожной попытке согреться; кто-то закутал меня в штуку, напоминавшую драповый халат, но мокрые джинсы и футболку снять не удосужились. Хм, а это не мантия, что была на плечах колдуна?..

Запоздало ощутив на шее нечто чужеродное, я вскинула руки – и обнаружила, что на меня нацепили тонкий металлический ошейник.

…итак, попробуем перебрать все возможные гипотезы, способные прояснить, что за анзац [8] тут творится. Судя по реалистичности ощущений, я не сплю. На загробный мир, повторюсь, окружающие декорации не слишком похожи. Достоевский, конечно, писал про некую комнатку с пауками, а крохотная пещерка является достойной альтернативой… но вряд ли к ней прилагались бы дроу, колдуны и белокурые девицы, смахивающие на эльфиек.

---

[6] Начало шахматной партии, при котором первый ход делают не королевской пешкой.

[7] Выпустите меня! Вы об этом пожалеете! *(риджийск.)*

[8] Термин немецкого происхождения, обозначающий некую догадку о том, какую форму должно иметь решение уравнения или системы уравнений, а также само это предполагаемое решение.

Бесспорно, всё это может быть бредом моего воспалённого сознания. На самом деле я сейчас лежу в реанимации, пока врачи борются за мою жизнь. Холодно мне потому, что в реальности холодно моему почти бездыханному телу. Достойная версия – и, в отличие от всего остального, вполне научная. Стоит запомнить.

Но, как бы мне ни хотелось это не признавать, больше всего происходящее напоминало сюжеты тех самых романов, о которых нам столько рассказывала Мари. Правда, в её любимых книжках героини обычно не прозябали в темницах в самом начале истории – разве что в конце, когда их пленял похотливый злодей. А завязку истории обычно посвящали интеграции в чужой мир, приключениям, знакомству с прекрасным принцем и любовному треугольнику, который в произведениях подобного жанра почти неизбежен (впрочем, как и в куче произведений других жанров, не заставлявших снобов вроде Вари плеваться ядом).

И, конечно, куда без той самой борьбы Добра со Злом… Только вот подходящего камня, из которого можно вытащить волшебный меч и подтвердить гордое звание Избранной, я что-то не вижу. И никто не спешит возвестить о пророчестве, гласящем, что я спасу этот мир.

Ну, Мари, ну удружила… Надеюсь, тебя до конца жизни будут мучить кошмары, где над тобой глумится мой раздувшийся труп, восставший с речного дна.

– *Уннусти минн эрфинг альфар Дэнимон, ог ханн эр висс ум ас финна мих!* – надрывалась девушка между тем. – *Ог фа мунт фу фьера анайгх мез ас фу файдист инн и хейм!* [9]

– Хоть бы переводчика вместо прекрасного принца выдали, – проворчала я. Ледок иронии заковывал мысли в броню спокойствия, не позволяя поразить их панике или страху, оставляя разум кристально ясным. – Вот как мне общаться с сокамерницей, которую я даже не понимаю?

Удивительно, но на этом месте девушка обернулась и замерла, настороженно уставившись на меня: ни дать ни взять лань, заметившая льва.

– Ты тоже не из этого мира? – выдохнула она на чистейшем русском.

Второй раз за день я потеряла дар речи – хотя не факт, что это всё ещё был тот же день, когда меня вытащили из чёрного пруда.

– Да! – наконец отмерла я. – Хочешь сказать, ты из России?

Рухнув на колени подле меня, девушка кинулась мне на шею.

– Боже, думала, никогда уже не увижу своих! – Сдавив меня в объятиях, она всхлипнула. – А тут ты, да ещё в такой момент!..

– Спокойно, спокойно. – Я неуверенно похлопала её по спине и мягко отстранила; всегда с трудом шла на тактильный контакт. – Как тебя зовут?

– Криста. То есть Кристина, но здесь все зовут меня Криста. Местным трудно выговаривать русские имена… – По её щеке кинематографично красиво скатилась крупная слеза. – А тебя?

Пользуясь тем, что девушка оказалась достаточно близко, я, щурясь, оглядела её с головы до ног. Голубой шёлк платья, местами грязного и изодранного, оттенял яркую лазурь глаз и изысканную бледность кожи, подчёркивал пышную грудь и тонкую талию. Длинные локоны отливали старым золотом, сердцевидное личико так и просилось на обложку книги – по соседству с благородными профилями парочки принцев.

В голове не укладывалось, что подобное создание когда-то могло разгуливать по улицам, мощённым асфальтом, а не брусчаткой.

– Снежана, – всё-таки ответила я. – Но можно Снежка.

О ласковом школьном прозвище «Белоснежка» я предпочла умолчать. Действительно: если кто и был на свете всех милее, то уж точно не я.

---

[9] Мой жених – принц эльфов Дэнимон, и он обязательно найдёт меня! И тогда вы пожалеете, что на свет родились! *(риджийск.)*

– Красивое имя. – Криста нахмурилась. – А ты что, не понимала меня, когда я пыталась докричаться до дроу?

– С чего бы тебя обманывать? И с чего бы мне понимать язык другого мира? – хмуро уточнила я.

– Но ты должна понимать риджийский! Все, кто сюда попадает, сразу получают способность понимать и говорить на местных языках! Надеюсь, хоть магия у тебя появилась…

– Какая ещё магия?

Криста вздохнула и начала рассказывать.

…около года назад Кристина, уроженка Санкт-Петербурга, мирно возвращалась с работы промозглым зимним вечером. В институт она не поступила, так что решила попробовать снова на следующий год, а пока устроилась кассиром в магазин. Решив срезать дорогу через один из дворов-колодцев, она вынырнула из очередной арки – и увидела старинную рыночную площадь, залитую летним солнцем, заполненную странными людьми, что больше всего смахивали на ролевиков. А когда девушка обернулась, то вместо питерских семиэтажек узрела невысокие каменные домишки, подозрительно напоминавшие средневековые.

Испугавшись, Криста побежала куда глаза глядят. В конце концов она забилась в какую-то подворотню, пытаясь успокоиться и осознать, где и каким образом очутилась, но, к несчастью, в эту же подворотню забрели злодеи, изголодавшиеся по женскому теплу. Конечно, Криста отдавила им каблуками всё, что можно отдавить, разбила не один нос и вообще сражалась как тигрица, но силы были неравны; однако в тот самый момент, когда девушку уже с недвусмысленными намерениями повалили наземь, появился *он*…

– Это всё замечательно, – оборвала я новую знакомую, услышав в её голосе нездорово восторженные придыхания, – но при чём тут магия?

– Да ты слушай!

…появился *он*. Даже не вынимая меча из ножен, прекрасный незнакомец расправился с негодяями, забрал Кристу из подворотни и привёл в дом, где он остановился. Спаситель поинтересовался, почему девушка так странно одета, ибо пуховики в этом мире были не в ходу. Когда же Криста выложила ему свою историю, незнакомец объяснил: она попала в страну под названием Риджия, где обитают лепреконы, люди и эльфы. Сам он как раз был из последних, только острые уши прятал под пышными кудрями. И в какой-то момент Криста с удивлением обнаружила, что разговаривают они вовсе не на русском – просто девушка с чего-то прекрасно понимала чужой язык и столь же прекрасно, сама того не замечая, на нём говорила.

Потом Кристе с её спасителем, назвавшимся Дэном, пришлось спешно удирать из города: на них напали странные личности в чёрных плащах с капюшонами, и парочка чудом улизнула. Чудо включало в себя украденных лошадей, фехтовальное мастерство Дэна и лук из цветочных лоз, который сам собой материализовался в руках Кристы, да ещё и со стрелой на тетиве. От испуга Криста выпустила эту стрелу в нападавших, а та отчего-то взорвалась светящимися шипами, а Дэн подхватил девушку на руки и вместе с ней выпрыгнул из окна; а потом они нашли лошадей, и Криста поняла, что теперь обладает колдовским даром да к тому же превосходно стреляет из лука, хотя до того луки видела лишь на картинках…

– Дай-ка угадаю, – тоскливо проговорила я. – Дэн оказался принцем?

Криста вскинула брови – тёмные, несмотря на золото её волос, и идеальной формы:

– Откуда ты…

– И, конечно же, вы полюбили друг друга?

– Да, но…

– И за тобой ухлёстывал ещё какой-нибудь принц, но в итоге ты выбрала Дэна и оставила того несчастного во френдзоне?

– Ещё немного, и я подумаю, что на самом деле ты шпионка дроу, – подозрительно проговорила девушка.

– Считай это просто… интуицией. – Я скрестила руки на груди (всё-таки грудь есть грудь, каких бы размеров она ни была). – И кем же оказались личности в капюшонах?

– Людьми отца Дэна… то есть эльфами, – неохотно проговорила Криста. – Его хотели по политическим соображениям женить на одной страшной принцессе, но он сбежал.

– А какой год был в России, когда ты попала сюда?

Криста назвала цифру – и я прислонилась похолодевшей спиной к неровной каменной стене.

…из всей этой истории (довольно банальной) следовало два вывода. Первый: меня должны были, но по неведомым причинам не решились осчастливить чит-кодами в виде знания местного языка и магического дара, с которыми стать Избранной значительно проще. У меня, конечно, имеется свой чит-код, но он-то врождённый, так что не считается. Может, это зависит от того, каким способом ты перенёсся?.. Криста вон не падала никуда, а тихо-мирно прошла…

Ладно, об этом можно поразмыслить в другой раз. Должно быть логичное объяснение подобной несправедливости, но задачи стоит расставлять в порядке важности.

Второй вывод утешал не больше первого. Криста сказала, что попала в волшебный мир год назад. Вот только в нашем прошёл почти десяток.

Следовательно, время здесь идёт по-другому.

М-да. Вернуться обратно до последнего экзамена я явно не успею, а без меня Сашка наверняка завалит устный матан… хотя о каких глупостях я думаю? Судя по тому, что меня окружает, мне вряд ли вообще суждено вернуться.

Либо я сгнию в этой темнице, либо пойду на опыты дроу.

– И как же ты сюда угодила? – помолчав, поинтересовалась я.

– Да проезжала мимо гор, под которыми живут дроу, а на меня как накинулись! Я парочку подстрелила, но… – Криста беспомощно опустила глаза.

– А вытащить нас отсюда ты не можешь? Раз ты такая крутая лучница и магичка?

– А то я не пыталась! – огрызнулась девушка, вскинув руки к шее, на которой тоже красовалось серебряное кольцо. – Эта дрянь каким-то образом блокирует мои способности! Мерзкие дроу!

– Скорее уж предусмотрительные, – оценила я, наклонившись ближе, разглядывая ошейник. С моими минус шесть да ещё в неровном свете факелов пришлось почти ткнуться в украшение носом, чтобы различить на серебре тонкий рунный узор. – Значит, дроу с эльфами враги?

– Конечно! Эльфы – хорошие, а дроу – злодеи! Они ненавидят людей и эльфов, ненавидят и презирают! Из-за них нас с Дэном чуть не убили! У отца Дэна, Повелителя эльфов, был младший брат, и он сговорился с дроу, чтобы захватить эльфийский престол и…

– Коварный антагонист, конечно. Куда же без него, – пробормотала я. – Но вы, естественно, вывели злодея на чистую воду и уже полным ходом готовились к свадьбе, когда тебя похитили? Или успели пожениться?

– Не успели. – Криста страдальчески поморщилась. – Я…

Вдали послышались гулкие шаги, заставившие нас вскочить.

– Они знают, кто ты? – шёпотом поинтересовалась я, схватив Кристу за руку. Конечно, трудно было не услышать те вопли, что разбудили меня; но если их всё-таки не услышали…

– Не знаю. Думаю, нет. – Девушка покачала головой, тоже невольно понизив голос. – Я как проснулась, ещё никого, кроме тебя, не видела. И не говорила ни с кем.

– Не вздумай сказать, что ты невеста принца, ясно?

– С чего это? Я как раз собиралась! Пусть знают, кого поймали! И что Дэн обязательно…

– …попытается тебя спасти. Особенно если тебя пригрозят убить, – закончила я, сильнее сжав пальцы на её запястье. – Как я поняла, твой жених пойдёт ради тебя на всё. И если ему

скажут прийти к дроу одиноким и безоружным, он придёт. Ты ведь не хочешь его смерти? – Прежде чем разжать руку, я удовлетворённо кивнула ужасу в девичьих глазах. – Молчи, если только тебя саму не захотят убить. Или пытать. Пыток ты всё равно не выдержишь, так что лучше сразу раскрыться. Принца своего, конечно, подставишь, но хоть жива останешься.

Шаги были уже совсем близко.

– А что будет с тобой?..

– Боюсь, ничего хорошего, – буркнула я, шагнув ближе к решётке.

Мгновение спустя моему взгляду предстали два смутных разноцветных пятна. Приблизительно человеческой формы. Моя грёбаная слепота!.. Я отчаянно прильнула к прутьям, снова сделала себе «китайские глазки» – и, когда пятна приблизились к решётке почти вплотную, запоздало различила ту же парочку, что вытащила меня из пруда.

Дроу кривил тонкие губы в презрительной усмешке. В волосах цвета луны поблескивал серебряный венец, одежда была выдержана в чёрно-фиолетовой гамме: нечто вроде камзола без рукавов, шёлковая рубашка, облегающие бриджи и кожаные сапоги до колена. Узкое, аристократично вытянутое лицо, высокие острые скулы, чуть раскосые тигриные глаза… Красота смертельной опасности – и грация гепарда, готовящегося к прыжку.

Колдун (по крайней мере, я считала его таковым, учитывая, что он вырубил меня лёгким движением руки) оказался ниже дроу почти на голову, да и выглядел куда проще. Длинные волосы, прямые и палевые, завязанные узлом. Правильный овал белокожего лица с чёткими чертами, светлые глаза непонятного цвета, густая русая щетина на месте бороды и усов. Сейчас он был в белой рубахе, тёмных штанах и видавших виды ботинках, похожих на мокасины. Видимо, мантию действительно отдал мне. Оба были молоды – не старше двадцати пяти – или казались таковыми; и если дроу напоминал гепарда, облик колдуна вызывал ассоциации разве что с плюшевым мишкой.

– *Йаэя, йаэя, хвер хелдурлу ас вис хёвум хьер,* – вкрадчиво проговорил дроу. Низкий голос его был полон странных завораживающих гармоник. – *Ех эр Альянэл конар Бллойвуг, Дроттин дроу* [10].

Колдун молчал, с любопытством разглядывая нас. Мы с Кристой отвечали тем же.

Дроу протянул руку к одному из ржавых прутьев, совсем рядом с моим лицом, позволив разглядеть на его пальце тонкое серебряное кольцо – оно сверкнуло в свете факела, заиграв бликами витой золотой насечки. Я не знала, о чём он говорил, но на всякий случай отступила к стене… и правильно сделала: стоило длинному серому пальцу коснуться решётки, как та отъехала в сторону.

Криста немедленно рванула к врагу, на ходу занося кулачки. Дроу лишь лениво шевельнул пальцами, точно перебирая в воздухе невидимые струны, – и девушка застыла на месте, покладисто опустив руки.

– *Крага гефюр мьер фуллт вальд ифир фьер.* – Дроу почти мурлыкал, но то было мурлыканье льва. Шагнув к Кристе, он взял её двумя пальцами за подбородок, заставив вскинуть голову; в глазах сокамерницы плескалась паника, но она, похоже, не могла шевельнуть и мизинцем. – *Фаллег стэльпа.* – Он провёл длинным ногтем по её щеке, от скулы до подбородка; скользнул пальцами по губам, по подбородку, погладил серебряный ошейник. – *Фу мэйст, ех гет гефис фьер хваса рос, ог фуллт аф гаман мес фьер* [11]…

– *Нох, Алья,* – негромко произнёс колдун. – *Фейр эр митт. Фу лофассир* [12].

Дроу сжал губы, но руку убрал.

---

[10] Так-так, кто у нас здесь. Я – Альянэл из рода Бллойвуг, Повелитель дроу *(риджийск.)*.

[11] Ошейник даёт мне полную власть над вами. Красивая девочка… А знаешь, я могу приказать тебе всё что угодно и славно с тобой позабавиться *(риджийск.)*.

[12] Хватит, Алья. Они мои. Ты обещал *(риджийск.)*.

– *Готт, така фау.* – Он резко отвернулся. – *Эн льоса ком афтур тиль и сьодаг* [13].

– *Эйнс ог фу вильт* [14], – склонил голову колдун.

Взметнув длинными рукавами, дроу стремглав вышел из темницы и скрылся из виду. Криста пошатнулась, наконец вновь обретя способность двигаться, – а я выдохнула, наконец вновь обретя способность дышать.

…похоже, пронесло. В этот раз. Колдун казался мне куда меньшей угрозой, чем его серокожий спутник; в конце концов, вряд ли он стал бы делиться сухой одеждой с той, кого в ближайшем будущем собирается пытать.

Наверное. Надеюсь.

Проводив дроу пристальным взглядом, колдун повернулся к нам.

– *Филга мьер.* – На ладони его вспыхнул язычок белого пламени – одновременно с тем, как потухли все факелы. – *Ех мун экки мэйса фихь.*

– Что он говорит? – вполголоса поинтересовалась я у Кристы.

– Говорит следовать за ним, – пробормотала девушка. – И что он не причинит нам вреда. А вдруг врёт?

– Конечно врёт, – горько откликнулась я, делая шаг навстречу колдуну, подбирая полы мантии, чтобы не споткнуться. – Но мы здесь не почётные гости. Не пойдём сами – заставят силой.

Тот усмехнулся так, точно понял мои слова, – хотя, наверное, по моему лицу и интонации нетрудно было догадаться о смысле. Потом, жестом велев следовать за ним, двинулся к выходу из подземелья.

– Что вообще произошло? – тихонько спросила я у Кристы, пока мы поднимались по узкой и сырой винтовой лесенке, которую освещал лишь огонёк в ладони колдуна. – Что этот дроу тебе наговорил?

– Его зовут Альянэл. Он Повелитель дроу. – В ответном шёпоте девушки послышалась гадливость. – Я кинулась на него, но моё тело мне не подчинялось! Он захотел, чтобы я остановилась, и я просто замерла, как кукла на ниточках!

– Из-за ошейника?..

– Да! Он так и сказал: «Ошейник даёт мне полную власть над вами»! Потом сказал, что я красивая и что он… неважно. – Криста кинула быстрый опасливый взгляд на нашего провожатого. – Но колдун попросил его прекратить. Сказал, что дроу обещал нас ему. А тот приказал, чтобы колдун вернул меня через неделю.

– Не все принцы одинаково полезны, – криво усмехнулась я, по последним ступенькам лестницы поднимаясь в просторный зал, отделанный чёрным мрамором.

Оглядеться возможности не было. Колдун немедля открыл неприметную дверку рядом с лестницей, и, увидев за ней каменные ступени, я поняла, что нам предстоит ещё один подъём. Хорошо хоть теперь путь озаряли свечи, приткнувшиеся в канделябрах на сухих гранитных стенах.

Спустя какое-то время мы достигли небольшой круглой комнаты в бежевых тонах – с камином, пушистым ковром и мягкими креслами. Свечные огоньки размытыми светлячками дрожали в настенных канделябрах. Смяв волшебное пламя в ладони, колдун жестом пригласил нас сесть в кресла, расставленные вокруг круглого столика. Мы с Кристой подчинились, хотя нервозность заставляла сокамерницу ёрзать так, будто в бархатной обивке притаились иголки.

Я сидела спокойно, но спокойной вовсе не была. Не прислуживай обитатель этой комнаты королю дроу, одна улыбка которого отчаянно сигналила «опасность», я могла бы подумать, что

[13] Ладно, забирай их. Но светловолосую вернёшь через неделю *(риджийск.).*

[14] Как пожелаешь *(риджийск.).*

он довольно милый человек. Любящий домашний уют. Но я знала, кому он служит, – и милая комната виделась мне пряничным домиком, построенным для наивных голодных детей.

…спокойно. Раз колдун выпросил нас у короля, мы зачем-то ему нужны: живыми и, судя по всему, невредимыми. Смертнице не стали бы отдавать свою мантию – смерть от переохлаждения не хуже любой другой. Но зачем именно?.. Я отчаянно сощурилась, пытаясь по лицу колдуна понять, чего ждать. Бесполезно: равнодушная доброжелательность, сквозившая во всём его облике, была непробиваема.

Несколько томительных секунд колдун просто смотрел на нас в ответ. Наконец разомкнул губы.

– Моё имя – Лод, – произнёс он с лёгким певучим акцентом. – И, как я понял, вам удобнее будет общаться не на риджийском.

…никогда не думала, что смогу потерять дар речи трижды за день, но всё когда-нибудь случается впервые.

Так он *правда* понял мои слова…

– Мы точно в этой вашей Риджии? – наконец вполголоса поинтересовалась я, ни к кому особенно не обращаясь. – А то все вокруг так бойко говорят на русском, что я уже сомневаюсь, не перенесло ли меня в Затерянный Мир на территории сибирской глубинки.

Колдун точно не мог оценить всего смысла моего высказывания, но всё равно рассмеялся.

– Боюсь, мы всё же здесь. – Губ его коснулась не то улыбка, не то усмешка. – Просто я очень интересуюсь вашим миром. Это одна из причин, почему вы сейчас в моей башне, а не на допросе у Повелителя.

– Значит, мы не первые, кто к вам попал?..

– Нет, не первые. Подобные вам появляются вот уже сотни лет, но дроу с ними особо не церемонятся. Поначалу принимали за шпионов, хотя нежданные гости даже под пытками твердили, что не из Риджии… но они знали наш язык, выглядели подобно риджийцам и обладали магическими способностями, пусть и не умели с ними управляться. Потом, когда их одежда стала… видоизменяться, – взгляд колдуна скользнул по моим потрёпанным джинсам и футболке с надписью «You're dumb and I can prove it mathematically»[15], выглядывавшей из-под мантии, – а при них появились необычные вещи, такие, как… как…

– Плееры и мобильные телефоны?

– Да, – с явным облегчением кивнул Лод, – забыл названия… да, вот тогда дроу задумались о том, что, возможно, они говорят правду. Впрочем, это не мешало исправно их казнить: в нашей ситуации безопасность превыше всего. Но теперь подобное в прошлом, и поэтому вы здесь, – добавил колдун, подперев голову рукой, изучая взглядом наши бледные лица. – Я хочу побольше узнать о вашем родном мире. И о тех вещах, которые нашлись в твоей сумке. – Высказывание сопроводил кивок в мою сторону. – Я просмотрел твою память. С людьми без магического дара это можно сделать, значительно упрощает допросы… Но даже так многое осталось непонятным. Хочу, чтобы ты прояснила то, что меня интересует. – Так вот почему он не спрашивает, как я сюда попала! А с Кристой, видимо, трюк не прошёл: у неё-то дар есть… – Кроме того, мне нужна энергия невинных девушек. Не бойтесь, это не больно и не имеет серьёзных последствий. Пока вы были без сознания, я обследовал вас и понял, что вы подходите.

Я предпочла не задумываться, каким именно образом нас «обследовали». Куда больше меня волновал вопрос, действительно ли колдуну не нужно от нас ничего, кроме безболезненных исследований и бесед о чуждом для него мире.

Когда попадаешь в мышеловку, глупо надеяться, что тебе просто дадут тот кусочек сыра, к которому ты так стремился, и отпустят.

---

[15] Ты тупой, и я могу доказать это математически. (*англ.*)

– А если я правда шпион? – с вызовом спросила Криста. – И пока вы будете выкачивать из нас энергию, разнюхаю всё, что мне нужно?

– Не думаю. – Колдун почесал себя за ухом сухим, изящным пальцем. – Видишь ли, моя работа с тобой продлится всего неделю, и в твоих же интересах не покидать этой башни. Здесь никто тебя не тронет, но за её пределами… – Лод широко улыбнулся мрачному пониманию в девичьем лице. – Дроу никогда не отличались… как это на вашем языке… строгой моралью, а ты для них лакомый кусочек. Конечно, Алья накажет того, кто посягнул на его добычу, но твоя ценность в его глазах резко упадёт.

– Зато мне, похоже, можно гулять без опаски, – пробормотала я, отметив, как панибратски колдун сокращает имя Повелителя дроу.

Лод внимательно поглядел на меня, и я ощутила: только что он сделал некий важный вывод, который не замедлил записать в моё ментальное досье.

– Если вы попадётесь на глаза дроу, любая из вас… ничего хорошего не ждите. Я мог бы приказать вам не покидать башни, но надеюсь на вашу… – колдун посмотрел в сторону, явно подбирая слово, – сознательность. Не хочу, чтобы вы постоянно ходили под влиянием ошейника.

– Ваших рук дело? – неприязненно спросила Криста.

– Моего предка. Я их только усовершенствовал.

– Вы на всех пленников их цепляете? – Я вглядывалась в лицо колдуна, надеясь за маской доброжелательности разглядеть намёк на его истинные намерения. Очков не хватало до боли: мало того что ничего не видно, так ещё и отвратительное ощущение беззащитной, непривычной пустоты на носу…

– Конечно. Алья никогда бы не позволил вам покинуть темницу без ошейников. И я искренне надеюсь, что вы не наделаете таких же глупостей, как ваши предшественники.

– Например? – тихо уточнила я.

– Однажды к нам попал мужчина, который назвался мэнэзжиром. – Видимо, имелся в виду менеджер, но поправлять я не стала. – Я понял, что он из другого мира, и попросил у Альи разрешения взять его себе. Сначала мэнэзжир вёл себя буйно, но когда понял, что может с ним сделать ошейник, присмирел. Какое-то время вёл себя хорошо. Написал по моей просьбе алфавит и пару сотен слов родного языка с переводом… это был другой язык, не ваш. Объяснил, что такое кассеты с музыкой, джинсы и другие вещи. А в один вечер убил двоих дроу и набросился на меня. – Лод произнёс это таким же обыденным тоном, как и всё предыдущее. – Мне не стоило бы труда остановить его, хотя вместе с магическими способностями его наделили умением драться не хуже дроу… но это увидел Алья, и увиденное ему не понравилось.

– И вы убили его, – прошептала Криста.

– Я – нет. Это сделал Алья.

– И каким образом? – Я знала, что пожалею о своём вопросе, но я должна была знать, какого наказания страшиться.

– Отдал ошейнику приказ «убить», тот сжался, и мэнэзжир задохнулся.

Криста судорожно схватилась за серебряный круг на шее, точно тот мог разомкнуться от одного её прикосновения. А я особенно отчётливо ощутила себя осуждённым, стоящим на эшафоте – рядом с палачом, который уже с извиняющейся улыбкой накинул на тебя петлю.

…*«попросил взять его себе»,* сказал колдун. Взять себе – как собачку, ведь на кого ещё цепляют ошейники? А мы – новые питомцы, и потому с нами так любезны. Дети тоже балуют котят, подобранных на улице, пока котёнок не вырастет, а детям не надоест за ним убирать; и тогда котёнок отправляется туда, откуда его взяли. Только когда наиграются с нами, нас ждёт нечто похуже улицы…

– Потом была девушка. Четыре года назад. Мне было двадцать три… Вы с ней чем-то похожи. – Лод посмотрел на Кристу. – Она провела здесь год. Научила меня языку – уже

вашему. Рассказала много полезного. А потом попыталась бежать. – Колдун покачал головой – как будто даже печально. – Она добралась до ближайшего города людей, но Алья узнал, что она бежала, и призвал её обратно. Больше я её не видел.

– Призвал обратно?..

– С помощью ошейников мы с Альей можем в любую минуту увидеть, где вы, и переместить вас к себе. Вне зависимости от того, где вы находитесь. Снять ошейники нельзя: если это попытается сделать кто-либо, кроме меня и Альи, ошейник вас задушит. Любое физическое или магическое воздействие заставит его сузиться. Чем больше усилие, чем сильнее заклятие, тем быстрее он будет сжиматься. – Лод мягко улыбнулся – и лишь едва уловимые нотки в голосе выдали, что под шкуркой плюшевого мишки прячется сталь. – Надеюсь, вы поняли, что в ваших же интересах не пытаться от них избавиться. Или бежать. – Колдун поднялся с кресла, и мы с Кристой поспешили последовать его примеру. – Назовите свои имена.

– Криста, – обречённо выдохнула девушка.

– Снежана, – угрюмо сказала я.

– Снез-жа-на, – повторил колдун нараспев, чуть склонив голову. – Это от слова «снег»?

– Вроде бы.

– Снезжана, почему ты всё время сужаешь глаза? Они болят?

– Нет, не болят. – Я поспешно перестала щуриться, и всё вокруг расплылось в разноцветные пятна. – Просто я плохо вижу.

– А… – Лод вскинул руку, в которой материализовались до боли знакомые очки: большие, прямоугольные, в пластиковой оправе цвета шоколада. Вложил их в мою напряжённую ладонь – ужасно хотелось вырвать очки из его пальцев, но я не осмеливалась лишний раз дёрнуться в его сторону. – Тогда, думаю, это твоё.

Протерев стёкла футболкой, я нацепила очки на нос. Мир обрёл чёткость, позволив наконец разглядеть щербинки на лакированной крышке стола, за которым мы сидели, и серые крапинки в зеленоватых, прозрачных, как лесной ручей, глазах Лода.

– Я нашёл их в пруду. Решил проверить, не потеряла ли ты чего. – Наблюдая за мной, колдун широко улыбнулся, явив острые, удлинённые, как у недоделанного вампира, клычки. Под его нижними веками темнели синяки, совсем как у зубрившего всю ночь студента. – Ваши покои там. Найдёте в них всё, что нужно. – Махнув рукой на дверь в дальнем конце комнаты, он отвернулся и шагнул к винтовой лесенке, начинавшейся рядом с камином. – Спите. Завтра, как проснётесь, начнём работать.

Я проследила, как он поднимается по ступенькам, чтобы исчезнуть за лестничным поворотом. Сглотнув и смягчив слюной пересохшее горло, направилась к двери в обещанные покои, пока Криста плелась следом.

Уготованная нам комната, просторная и полукруглая, выдержанная в голубовато-серебристых тонах, ничем не походила на тюрьму: в них обычно не бывает каминов, огромных кроватей, шкафов для одежды и шёлковых ширм для переодевания. В настенных канделябрах горели свежие свечи. У занавешенного окна виднелся небольшой стол, на котором поблескивала пара серебряных колпаков.

Поколебавшись, я приблизилась к плотным светлым гардинам и заглянула за них.

В земных книжках и играх дроу традиционно обитали в каменных катакомбах, в хитросплетении подземных залов и коридоров, вырубленных в скалах. Но мы находились в высокой башне, под окнами которой как на ладони расстилался город. Он искрился морем огней и сиянием окон белоснежных особняков, над ним молчала чернота того, что можно было принять за беззвёздное небо… однако я быстро поняла, что это не так. Дроу действительно обитали под землёй, только вот не в каменных катакомбах: они просто построили город в пещере – столь огромной, что невозможно было разглядеть её своды.

Отдёрнув занавесь, я прижалась лбом к стеклу – одному из десятков маленьких стёкол, соединённых в единое целое изящной ковкой оконного переплёта. Вправо от башни уползала белокаменная стена дворца. Прямо под нашим окном виднелся знакомый сад со светящимися розами и чёрным прудом. Дворец окружала высокая каменная стена, поросшая пепельной серостью бледного плюща.

– Да тут ванная! С ванной! – донёсся до меня полный энтузиазма крик Кристы, которая успела заглянуть за маленькую дверку рядом со шкафом. – Эмалированной! Совсем как в нашем мире! И унитаз… он что, со смывом?!

Я услышала странный щелчок, затем – шум воды. Хмыкнув, вернула штору на место. Забавная у меня сокамерница… Будто номер в отеле осматривает, а не клетку.

Впрочем, кому-то из нас двоих полезно находить маленькие радости даже в подобной ситуации. И по складу характера это определённо не могу быть я.

– А ещё тут краны! – воскликнула Криста. Сквозь водяное бурчание пробился странный перезвон. – И из них течёт горячая вода!

Тяжело вздохнув, я вынула из канделябра одну свечу и сунулась в ванную комнату, отделанную белым мрамором. Фарфоровую раковину омывала прозрачная, пышущая паром водяная струя, бившая из медного крана. Унитаз был без бачка, зато с кнопкой в стене над сиденьем. С ним соседствовала круглая ванна, скорее напоминавшая небольшой бассейн.

Здесь ли жили все питомцы колдуна, пока не истекал их срок годности?.. Судя по всему, покои не предназначались для пленников – по крайней мере, изначально. Но колдун вынужден был поместить нас сюда, дабы держать под рукой. Что ж, золотая клетка всяко лучше каменной; я-то думала, нам предстоит сидеть на цепях и спать на коврике у камина.

Ох, надеюсь, жених Кристы явится за возлюбленной до того, как колдун нами наиграется… Возможно, в этом и кроется причина спокойствия сокамерницы: прекрасные принцы ведь специализируются на своевременном освобождении дам, попавших в беду, – что её личный принц и доказал при их знакомстве. Конечно, вытаскивать вместе с Кристой меня у принца нет резона, но, если правильно себя вести, сокамерница сама будет на этом настаивать. Она ведь кажется доброй девочкой, хоть и глупенькой.

Впрочем, чего уж там: даже мне трудно воспринимать происходящее с той же серьёзностью, с какой я бы воспринимала реальную тюрьму. Нет, не реальную – *земную;* быть может, в какой-то момент я открою глаза и обнаружу, что всё это был дурацкий сон, но пока будем принимать как данность то, что происходящее вполне реально. Иной подход чреват смертью, а я не готова пренебрегать даже ничтожным шансом на то, что эта смерть тоже будет вполне реальна. И всё же мне не удавалось отделаться от ощущения, что я угодила в дурацкую фэнтезийную книжку, а там, сколь бы страшны ни были испытания, смертельной угрозы для героини они не представляли. Быть может, порой она выходила из них потрёпанной, но всё же выдерживала с честью, чтобы встретить заслуженный хэппи-энд.

Хотя не будем забывать: речь о *главной* героине. И всё указывает на то, что это Криста. О, я знаю этот момент в куче книжек и в любом голливудском блокбастере; кажется, в какой-то сценарной теории его так и называли – «сокрытой пещерой». Момент перед финалом, когда герой терпит поражение и его окутывает мрак, натуральный или фигуральный. Угодить в плен к злодею и оказаться в каменном мешке – сюжетный поворот, который прекрасно подходит под описание. И, конечно, в конце концов за героиней явится принц, или же она спасётся сама – зависит от мировоззрения автора (либо попросту от его желания потакать моде на репрезентацию сильных женщин). А дальше – финальная битва, победа Добра, счастливый конец.

Только вот я в этом сценарии тяну скорее на эпизодического персонажа, призванного стать Верной Подругой Героини и помочь ей освободиться. А такого не грех и прикончить, чтобы добавить в произведение стеклишка и выбить у читателя скупую слезу.

– С чего столько радости? – спросила я, наблюдая, как Криста самозабвенно крутит вентили над ванной: их приходилось целых четыре на один-единственный кран. Первые два явно обеспечивали горячую и холодную воду, причём горячий открывался со странным звоном, будто поблизости кто-то бубен встряхнул. Третий добавил в струю густую белую пену. Когда девушка крутанула четвёртый, вода в кране неожиданно иссякла – зато миг спустя хлынула ей на голову.

– Душ! – воскликнула Криста, отшатнувшись и отплёвываясь от пены; мыльная вода текла из крохотных, почти незаметных отверстий, проделанных прямо в мраморе на потолке. Меньше радости в девичьем голосе, впрочем, не стало.

– Неужто во дворце у твоего принца всего этого нет? – заметив, что по свече стекают восковые слёзы, я установила её в канделябр над раковиной, пока мне не обожгло руки. – На Земле туалеты со сливом изобрели ещё до нашей эры, а судя по тому, что я видела, в этом мире всё же не грязное Средневековье.

– Нет! Для умывания эльфы используют серебряные тазики. Они похожи на большие глубокие тарелки, и на них накладывают заклятие автоматического очищения, так что вода там не грязнится. А для мытья – бассейны или деревянные бадьи. Воду в них, конечно, подогревают магией, но сначала-то её приходится в вёдрах таскать. – Уворачиваясь от тёплой струи, девушка закрыла пенный вентиль, и вода сразу очистилась от мыла. – А туалет… у них в основном будочки во дворе, а в замках деревянные сиденья в отдельной комнатке, и под сиденьями трубы к выгребной яме. Но пахнет в этих комнатах… Несправедливо – тёмные эльфы, а живут как белые люди!

– Лучше скажи, – произнесла я, расшнуровывая и скидывая хлюпающие кроссовки: если к мокрой одежде я с момента пробуждения успела привыкнуть, то ощущение раскисших стелек под ступнями раздражало, – как связаться с твоим Дэном, чтобы он вытащил нас отсюда? И, если на то пошло, – как ты, невеста эльфийского принца, которую он должен беречь как зеницу ока, вообще угодила к дроу?

Наспех смыв пену с волос, Криста закрутила все вентили, – и меня насторожило старание, с которым она смотрела в сторону, вылезая из ванны.

– Я сбежала, – буркнула девушка, выбредая наружу мимо меня.

– От кого?

– От Дэна!

– А я-то думала, что вероятность встретить сбежавшую невесту куда меньше, чем вероятность увидеть сбежавшего жениха, – озадаченно пробормотала я, шлёпая следом за ней, оставляя пятками грязные следы на белоснежном полу. Камень под ногами был удивительно тёплым, будто его подогревали. – Почему?

– Потому что у нас скоро свадьба!

– Но ты вроде бы его любишь. А он вроде бы красивый, храбрый, великолепно владеющий мечом эльфийский принц, который любит тебя.

– Ты не понимаешь! – Сев на кровать, Криста отчаянно всплеснула руками. – Чем ближе был этот день, тем больше было между нами какого-то… напряжения! Раньше мы просто щекотали друг друга, дурачились и дрались подушками, а теперь лежали в постели и думали о том… и я знала, что он тоже думает о том… о том, что скоро в этой самой постели мы будем…

– И эта перспектива настолько вас пугала? – уточнила я, разглядывая большой горшок с углем, стоявший рядом с камином. Похоже, у дроу были ожидаемые проблемы с деревом. – Насколько мне известно, множество людей находит это занятие очень даже приятным.

– Дело не только в этом! Понимаешь, когда я узнала, что у меня есть магические способности… и что я никогда не смогу вернуться в наш мир… я подумала, что буду помогать людям! Странствовать по Риджии, сражаться с дроу, убивать монстров…

Осознав, что она сказала, я похолодела:

– Не сможешь вернуться в наш мир?..

– Да! Но если я стану эльфийской принцессой, никто не позволит мне делать то, что я хочу! Я буду вынуждена вести себя как положено принцессам, а это целыми днями сидеть на троне и вышивать гобелены, и играть на арфе, и…

– Почему ты не смогла вернуться в наш мир?!

– Да потому что! – выпалила Криста с явной обидой на то, что из её тирады меня заинтересовало именно это. – Ни эльфы, ни люди, ни лепреконы не знают, как открыть проход между мирами! Я же не первая, кто к ним попал, они всё перепробовали, но ничего не получалось, даже просто посмотреть, как там моя семья поживает! Так что все мои… наши… предшественники так и жили здесь до самой смерти.

Я глубоко вдохнула.

Выдохнула.

Мысленно стала возводить семёрку в степень – как делала всегда, когда хотела успокоиться. Сорок девять, триста сорок три, две тысячи четыреста один, шестнадцать тысяч восемьсот семь…

Когда я дошла до пятнадцатой степени, нервный холодок исчез, тоненькие вопли паники утихли, перестав путать мысли, – и ко мне вернулась способность рассуждать здраво.

…итак, подведём итоги. Угодив в сказку, я обнаружила следующее: отважная героиня – не я, прекрасный принц – не мой, волшебный меч достался не мне, да и борьба Добра со Злом прекрасным образом обходится без меня. Даже в тело главной злодейки меня не переместили – был вроде бы в произведениях о попаданках и такой тренд, но для меня, видать, слишком много чести. Зато для моей скромной персоны припасли плен в катакомбах дроу; и, даже если мы с Кристой выберемся отсюда, домой я уже не вернусь.

Да, в моём мире меня не ждёт никто, кроме Сашки. Только вот у эльфов, в отличие от сокамерницы, радужных перспектив мне не светит. На приличную работу не устроиться: кто же возьмёт на эту работу странную девушку с улицы, незнакомую с местным языком, обменным курсом, бытом и обычаями. Мыть полы в какой-нибудь таверне – увольте. Конечно, всё исправимо, но на это потребуется время – и деньги, которых у меня не будет. А я, честно сказать, плохо переношу голод и отсутствие бытовых удобств.

С другой стороны…

– Надеюсь, ты всё же будешь не против вернуться к своему принцу, когда я вытащу нас отсюда. – Подойдя к шкафу, я решительно распахнула деревянные дверцы. – Если честно, твоё возвращение здорово облегчит нам жизнь.

– Ты собираешься… бежать? – Глаза Кристы расширились. – Со мной?

– Ну не отдавать же тебя на растерзание этой серой сволочи. Соотечественница как-никак.

…с другой стороны, если я верну эльфийскому принцу его взбалмошную возлюбленную, мне вряд ли посмеют в чём-либо отказать.

Да, мне, в сущности, плевать, что сделает с Кристой очередной персонаж королевской крови, польстившийся на её прелести. Я эгоистка до мозга костей и не стесняюсь в этом признаваться, – в отличие от большинства людей, которые из лицемерия натягивают на руки белые перчатки лживого альтруизма, чтобы стянуть их при первом удобном случае.

Но сейчас в моих интересах вытащить нас обеих отсюда до того, как колдун завершит свою «работу» с нами.

В шкафу нашлись несколько платьев, пара штанов и рубашек. Наконец расставшись с мокрыми джинсами и футболкой (а заодно, как я надеялась, с шансами на воспаление лёгких), я повесила их на спинку стула вместе с мантией колдуна. Следом влезла в огромные суконные штаны из шкафа – их пришлось подвернуть внизу и туго перепоясать бархатной полосой,

бесцеремонно оторванной мною от одного из платьев. Все рубашки тоже оказались велики; я выбрала самую простую, из светлого хлопка, и ограничилась тем, что засучила рукава.

Следом моего внимания удостоился стол у окна – где под серебряными колпаками обнаружились ложки, золотые кубки, полные воды, и тарелки с чем-то, похожим на рагу.

– Еда! – воскликнула Криста. Схватив вилку, она накинулась на еду, даже не помыв руки. – Ох, шорт, как же вкушно!

– Не думала, что дроу ещё и кулинары, – сказала я, обшаривая выдвижные ящики в изголовье кровати. Заметила я их не сразу, зато там очень кстати обнаружились пузырёк чернил, стальная перьевая ручка и несколько свитков пергамента.

– Похоже на мяшо с кабашками и картошкой! – речь Кристы звучала немного неразборчиво по причине того, что она уминала перечисленное за обе щеки. – Попробуй!

– Я не голодная, – соврала я, чувствуя, как аппетитный запах заставляет желудок сердито ворочаться. Выложила перед Кристой свои находки. – Итак. Если мы хотим выбраться отсюда, то мне нужно выучить риджийский.

Проглотив содержимое очередной ложки, та покачала головой:

– Ты не сможешь.

– Напиши вначале местный алфавит. Потом – личные местоимения в разных падежах и названия всех предметов, которые есть в этой комнате. С переводом и транскрипцией русскими буквами, естественно.

– Ты не сможешь! Уж точно не до того, как мы отсюда сбежим! – Криста дёрнула покатым плечиком. – Языки годами учат, а колдун продержит меня здесь всего неделю!

– Я прошу тебя набросать всего несколько строчек, что не так уж тяжело, согласись, – мой голос только что не сочился бесконечным терпением. – Если, конечно, ты умеешь писать.

Под раздражённым взглядом сокамерницы я пошлёпала обратно к ванной: такие грязные ноги, как у меня, брать в постель преступно. Даже если это постель злодеев-дроу.

– Раз ты не будешь есть, твою порцию съем я! – злорадно крикнула Криста мне вслед.

– На здоровье, – равнодушно откликнулась я, прикрывая дверь.

Не признаваться же, что речь о моём здоровье. Ведь теперь у меня впереди целая ночь, чтобы узнать, подмешивают что-нибудь в нашу еду или нет. Я бы на месте колдуна подмешивала: даже если мы нужны ему живыми и здоровыми, опоенные пленницы будут куда сговорчивее.

Наверное, главные героини могут позволить себе бесстрашно жевать что попало даже в логове врага. Но персонажи вроде меня в отличие от них точно не бессмертные, – а наиболее опасные опыты ставят на наиболее живучих членах команды.

Когда я вернулась, вместо полотенца вытирая голову порванным платьем, Криста нервозно расчёсывала волосы костяным гребнем. Видимо, нашла всё в тех же изголовных ящиках.

– Написала? – повесив влажное платье на спинку стула, я взяла исписанный пергамент.

– Да, – откликнулась Криста, вглядываясь в ручное зеркальце с серебряной ручкой.

Я пробежалась взглядом по чернильным строчкам. Вначале – по закорючкам букв, сопровождённым звуковой транскрипцией на русском. Потом – по словам, нацарапанным ниже. Ещё раз окинула пергамент пристальным взглядом.

Почувствовала, как его ментальная копия ложится на полочку в моём сознании.

– Отлично. – Перевернув пергамент, я положила его перед сокамерницей, которая сосредоточенно расчёсывала особо непослушный локон. – А теперь пиши на обороте риджийский перевод тех слов, которые я тебе назову.

– Сначала выучи то, что я уже написала.

– Я и выучила.

Криста замерла. Поймала в зеркальной глади мой мягкий, внимательный взгляд из-под очков – тем более внимательный, что я высматривала следы действия неведомого зелья.

Пока не замечала, но делать выводы рано.

Всем своим видом выразив крайний скепсис, Криста отложила зеркальце с гребнем, схватила пергамент и встала.

– Отлично. Сейчас проверим. – Сокамерница отошла в дальний конец комнаты, так, чтобы я точно не разглядела написанного. – Как будет «стул»?

Образ пергамента мгновенно всплыл перед моими глазами.

– Не ручаюсь за правильность написанного тобой произношения, – я взяла со стола гребень и склонилась над зеркалом, в котором отражался белёный потолок, – но вроде «формасур».

Криста недовольно кивнула.

– Кровать?

– Руум, – откликнулась я, расчёсываясь.

– Они?

– Фейр.

– Тарелка?

– Фат.

– Ей?

– Хенни, – поморщилась я, пытаясь сладить с прядью, никак не желавшей распутываться.

– Одежда?!

– Фёт.

– Вода?!

– Матх. – Положив гребень рядом с зеркальцем, я оглянулась через плечо. – Может, для экономии времени ты просто мне поверишь?

Криста села на кровать. Открыла рот – и закрыла; потом снова – словно рыбка, которую вытащили из воды.

– Я же называла слова не подряд, – пробормотала она, – и те, которые написала в конце, и в середине…

– Правильно делала.

– Но это невозможно! Ты смотрела на этот пергамент всего-то секунд десять!

– Полагаю, ты никогда не слышала об эйдетической памяти?

Криста озадаченно хлопнула ресницами.

– Фотографической, – смилостивилась я.

– А! Это когда людям достаточно пролистать книгу, и они её запоминают?

– Точно.

– Слышала, конечно! Хочешь сказать, у тебя… фотографическая?..

– Именно.

В её взгляде скользнуло благоговение:

– Выходит, ты… гений?

Я провела пальцем по переносице, поправляя очки. Повернувшись к сокамернице, опустилась на стул и откинулась на мягкую спинку.

– Я научилась читать в год, а к двенадцати знала наизусть все книги в нашем доме. В пять лет я перемножала в уме трёхзначные числа. В восемь – играла в шахматы со взрослыми и побеждала. Я поступила в МГУ на факультет вычислительной математики и кибернетики, набрав максимальное количество проходных баллов. Учти, что на студентов с ВМК даже ребята с физфака и мехмата смотрят открыв рот, а я поступала на курс фундаментальной информатики, куда принимали всего-то пятнадцать человек. – Насчёт мехмата я, конечно, несколько преувеличила, ибо тамошние студиозусы всегда мнили о себе незаслуженно много… но не суть. – Мой коэффициент интеллекта равен приблизительно ста восьмидесяти с хвости-

ком. Если сложить все эти факты воедино… – я пожала плечами. – Да, пожалуй, можно сказать, что я гений.

И не стала добавлять: лишь осознание собственной исключительности весь последний год удерживало меня от того, чтобы повеситься на крюке от люстры. Этого – и что без меня Сашка снова запустит учёбу.

Воспоминание кольнуло сердце тонкой иголочкой тоски.

Мне до боли хотелось его увидеть. Рассказать обо всех безумствах, которые со мной произошли. Я всегда всё рассказывала ему.

Почти.

– Можешь придержать слова восхищения при себе, – великодушно разрешила я, наблюдая, как сокамерница ошарашенно облизывает губы.

– А… ты… что, уже учишься в университете? – выдавила она наконец. – Сколько же тебе лет?

– Девятнадцать. И, надеюсь, ты не усвоила из моих слов только факт моего поступления в универ.

Криста долго смотрела на меня, птичкой склонив голову набок, – так, будто впервые увидела.

– Нет, – на удивление спокойно ответила она наконец. Поднявшись с кровати, вернулась к столу – и села напротив. – Ещё то, что ты действительно можешь вытащить нас отсюда.

Положив перед собой пергамент, Криста повернула его чистой стороной кверху. Обречённо вздохнув, открутила крышку пузырька с чернилами:

– Так какие слова, говоришь, тебе ещё надо написать?..

Мы просидели, наверное, полночи. Криста очень скоро начала клевать носом, рискуя испачкать его в чернильнице, – и я надеялась, что это простая усталость, а не действие неведомой отравы. Впрочем, я объявила отбой, лишь когда мы исписали все четыре свитка мелким шрифтом с обеих сторон, а свечи приблизились к состоянию огарков.

Мы с наслаждением заползли под одеяло – к сожалению, только одно, – и под нами захрустела свежая простыня, едва уловимо пахнущая лилиями. Некоторое время мы с сокамерницей, ворочаясь, перетягивали одеяло на себя, пока я, махнув рукой, не выползла из-под него: всё равно сплю в рубашке, к тому же в комнате тепло.

– Хорошие свечи у дроу, – едва слышно протянула Криста, свернувшись калачиком под пуховым трофеем. – У эльфов они трещат и дымят, а эти… у них пламя такое ровное, и хватает надолго…

– Прихватим одну, как будем сбегать? – нарочито жизнерадостно предложила я. – Пусть эльфы выяснят, как дроу их делают.

– Ага…

Она зевнула сонным котёнком – широко, умильно, обнажив мелкие зубки, – и заснула как котёнок – мгновенно. Только что говорила со мной, а вот уже закрыла глаза, и звук её дыхания окрасил тонкий присвист.

Я сняла очки, положив их рядом с подушкой. Легла, закинув руки за голову, и закрыла глаза, мысленно перебирая свитки с риджийскими словами, отныне хранившиеся в моей памяти.

…да, мне определённо попалась неправильная сказка. Но, как бы там ни было, я здесь. И если только поутру я не открою глаза в московской квартире, лучшее, что я могу сделать, – принять правила игры. Выпутаться из этой передряги – желательно безболезненно.

Хотя бы для меня.

Глава 2
Наследник рода Миркрихэйр

Утром меня разбудил вопль Кристы, очень похожий на тот, что выдернул меня из сна в темнице. И, прежде чем открыть глаза, я понадеялась, что подобный способ пробуждения не войдёт у неё в привычку.

– Что? – Я рывком села в постели, нащупывая очки.

Сокамерница молча ткнула пальцем в сторону окна.

Поспешно спрятав глаза за стёклами, я обратила внимание на растопленный кем-то камин – и натолкнулась на чужой сияющий взор. Сияющий в прямом смысле слова: очи юноши, застывшего у стола с грязными тарелками в руках, светились странным чарующим блеском.

– Доброе утро, – вежливо произнесла я, приветствуя незнакомца. – Что вам нужно?

Тот лишь улыбнулся в ответ узкими губами. Кожа его была пепельно-серой, как у дроу, но черты – ещё тоньше, ещё острее, ещё неправильнее, и волосы – чёрный обсидиан, а не лунное серебро, и глаза – не яркий янтарь, а перламутровая синева, и бесформенные одежды – похожи на мантию, сотканную из сумрака ночи…

Одновременно с тем, как я встала с постели, юноша отступил на шаг, в тёмный угол рядом с окном, и каким-то образом совершенно слился с тенью. Ещё мгновение я видела огоньки его глаз, затем пропали и они.

Когда я приблизилась к столу, в комнате уже не было никого, кроме нас с Кристой.

– Кто это был? – выдохнула сокамерница.

– Думаю, кто-то вроде уборщика. Юноша бледный со взором горящим… – Я запоздало сообразила, что на мне нет ничего, кроме рубашки, прикрывающей ноги до середины бедра, и мстительно понадеялась, что мои кривые ноги будут преследовать незваного гостя в кошмарах. – И, похоже, ещё и официант, – добавила я, заметив на столе чистенькие серебряные колпаки, которые явно скрывали свежую еду.

И мантия колдуна, и мои джинсы бесследно исчезли: похоже, их забрали в обмен на завтрак, пробовать который я снова не собиралась. Лучше уж сутки посидеть голодной и продолжать наблюдения за Кристой. Правда, что я буду делать, если обнаружу, что в здешнюю еду *действительно* что-то подмешивают? С одной стороны, терять трезвость ума, разрабатывая

план побега, мне никак нельзя. С другой – за пару дней мы едва ли отсюда выберемся, а уже на третий день голодовки бежать я едва ли смогу…

Ладно. Будем решать проблемы по мере поступления.

Натянув штаны, я на всякий случай обследовала угол на предмет потайных люков и дверей, но ничего не обнаружила. Ожидаемо. Зато, умываясь, осознала, что мне больно глотать – и это тоже было ожидаемо. Купание в реке и ночёвка на ледяном полу не могли обойтись без последствий, особенно для человека, который больше половины уроков физкультуры просидел на скамейке по причине освобождения после болезни. Если кто-нибудь всё же принимает участие в нашем создании (в чём я сильно сомневаюсь) – ваяя меня, он настолько переборщил с интеллектом, что на иммунитет просто не осталось места. Насморк, кашель и прочие ОРВИ цеплялись ко мне регулярно, а за весь четвёртый и пятый класс школы я посетила от силы уроков сорок, за два года умудрившись переболеть бронхитом, гайморитом, отитом, воспалением лёгких и вирусным менингитом. Какой-то болячке так понравилось в моём организме, что лекарства заставляли её кочевать из органа в орган, но никак не уходить. Мама сбилась с ног, таская меня по врачам, а те только руками разводили; в конце концов я всё же выздоровела, но ещё долго отходила от последствий постоянного приёма антибиотиков. И те два года спала не в своей комнате, а в маминой кровати, у неё под боком.

Тогда мама не объясняла, почему настояла на моём переселении, но годы спустя призналась: она устала по пять раз за ночь бегать в другую комнату, чтобы проверить, дышу ли я.

Раковина расплылась перед глазами, заставив проглотить комок в горле. Нет, не плакать. Срочно возвести в степень – тройку, например… Первая – три, вторая – девять, потом двадцать семь, восемьдесят один, двести сорок три…

– Тебе надо поесть, – укоризненно заметила Криста, когда я вышла из ванной, всё ещё чувствуя непролитые слёзы на ресницах. Сама она как ни в чём не бывало уплетала удивительно банальный для другого мира омлет с чем-то, очень похожим на шампиньоны.

– Стресс напрочь отбивает мне аппетит. – Сглотнув слюнки, я понадеялась, что Криста не расслышит недовольное урчание моего оголодавшего желудка. Мельком заглянув в зеркальце, поправила вздыбленную челку, скрыв россыпь прыщей на лбу. – Кажется, с утра с нами обещали «поработать».

– Может, этот колдун про нас забыл? – предположила сокамерница с надеждой.

– Хотелось бы надеяться, но, боюсь, вероятность этого крайне мала.

И точно: не успела я договорить, как послышался деликатный стук в дверь. Надо же – как будто у нас есть выбор, впускать тюремщиков или нет. В ответ на мой обречённый крик «да» в комнату вошёл Лод – с таким непринуждённым видом, словно навещал не пленниц, а дорогих гостей.

– Доброе утро, – произнёс колдун. Уголки его губ были приподняты в лёгкой улыбке. – Как спалось?

– Прекрасно, благодарю, – сказала я, решив по его примеру поиграть в учтивость. – Но мне очень интересно, кто нас разбудил. – Лод сощурился, и я прочла вопрос в его взгляде. – Тут был… юноша. В чёрном. Со светящимися глазами.

– А, вы про Акке? – улыбка колдуна стала шире. – Не обращайте на него внимания. Это мой слуга, он иллюранди.

Я не успела спросить, что означает последнее слово, из-за возмущённого восклицания Кристы:

– Иллюранди?! Они же демоны, создания тьмы! Мне про них Дэ… дедушка рассказывал! – к счастью, сокамерница вовремя поймала мой предостерегающий взгляд. – Насылают кошмарные сны, питаются человеческими силами!

– Не только человеческими, – мягко поправил Лод. – Просто у человека легче всего украсть силы, и да, легче всего – во сне. С дроу или с эльфом такое не пройдёт, если только

они не ослабли вконец. – Колдун прислонился плечом к дверному косяку. – Дроу заключили с иллюранди… соглашение. Дроу на добровольной основе отдают иллюранди свою энергию, а те взамен присматривают за их домами. Энергия дроу куда сытнее человеческой, так что иллюранди в итоге забирают совсем немного. Дроу этого даже не чувствуют. А ловкость и умение мгновенно перемещаться в тени делают иллюранди отличными слугами.

– В общем, тёмные домовые, – пробормотала я. – Или дворецкие.

Очередное подтверждение того, что не так уж наш плюшевый мишка и безобиден. Действительно: куда колдуну, живущему в мрачной тёмной цитадели и использующему невинных девиц в своих злодейских целях, без демона-прислужника.

– И вы позволили ему приблизиться к нам?! – Кристу объяснение явно не успокоило. – Когда-то сотни людей и эльфов погибли, чтобы изгнать иллюранди со своих земель, а вы…

– Акке причинил вам вред? – голос мужчины был мягче шёлка, но улыбаться он перестал.

– Нет, но…

– Он чем-то оскорбил вас?

– Не…

– Тогда что именно тебя не устраивает?

Криста встретила взгляд Лода, в котором поблескивала серая сталь, – и потупилась, резко вспомнив, что находится в плену, а не на курорте.

– Да нет, – пробормотала она, – всё хорошо. Простите.

Едва заметная улыбка вернулась на губы колдуна мгновенно, будто кто переключил рычажок… только вот теперь я видела, что в серости его глаз нет и тени этой улыбки.

– Я рад. – Лод отвернулся. – Жду вас в гостиной. Пора приступать к делу.

Я проследила, как за ним закрывается дверь. Покосилась на Кристу, чей нехороший прищур ясно выдавал направление её мыслей.

– Полагаю, – сказала я, – ты думаешь о том, что он у тебя ещё попляшет.

– Правильно полагаешь, – процедила сокамерница. – Эх, не будь на мне ошейника…

– Ладно, пойдём, пока он не осерчал. – Я успокаивающе похлопала Кристу по плечу. Посмотрела на безнадёжно раскисшие кроссовки – и поняла, что лучше продолжу ходить босиком. – Чем быстрее отмучаемся, тем быстрее я изучу ещё пару сотен риджийских слов.

В гостиной на столе, за которым мы вчера разговаривали, разложили штук десять мутных белых кристаллов, похожих на кварц. Колдун ждал в одном из кресел, положив руки на подлокотники, и жестом предложил нам в свою очередь присесть.

– Это не займёт много времени, – молвил он, когда мы с Кристой подчинились. – Кто хочет быть первой?

Мы с сокамерницей переглянулись, и я не увидела в её глазах особого энтузиазма.

– Давайте я, – вырвался у меня тяжёлый вздох. – Что нужно делать?

Вопреки моим ожиданиям Лод нахмурился. Привстал, заставив меня напряжённо следить за его движениями, нагнулся над столом – и пощупал тыльной стороной ладони мой лоб под чёлкой.

– Так и есть. Жар. Хриплый голос. И выглядишь нездорово. – Опустившись обратно в кресло, колдун сложил ладони в жесте, напоминавшем молитвенный. – Ты заболела?

Он собирается использовать меня для опытов – и при этом печётся о моём здоровье?..

– Простудилась немного, – неохотно кивнула я.

– Тогда сегодня отдыхаешь. Ритуал требует много сил, а они тебе понадобятся. К тому же с тобой нам торопиться некуда, – последние слова он добавил легко и просто, и это делало их ещё более зловещими. – Позже попрошу Морти подыскать тебе лекарство. Криста, возьми один из кристаллов. Любой.

Я растерянно пригладила чёлку. Какая трогательная забота… Совсем как об индюшке, которую лелеют до рождественского ужина.

С другой стороны, он назвал Кристу по имени, что в сочетании с этой заботой – неплохой знак. Я читала достаточно детективов и реальных криминальных хроник, чтобы знать: маньяки обычно дегуманизируют жертв, предпочитают не думать о них как о личностях, лишают индивидуальности и имён. Так легче творить с ними то, что они обычно творят.

Нас, во всяком случае, считают за людей. А это не может не ободрять.

Криста тем временем протянула руку к ближайшему кристаллу – с такой опаской, точно тот в любой момент мог отрастить зубы. Сомкнула пальцы на камне, который был чуть меньше её ладони, и быстро притянула к себе.

– Возьми его обеими руками, – велел Лод. – Да, вот так. Ладони на стол. Ближе ко мне. – Глядя, как робко Криста выполняет его указания, он усмехнулся. – Да не бойся ты так. Не меня тебе стоит бояться.

В конце концов руки Кристы, сжимающие камень, всё-таки оказались приблизительно посреди стола, – и, сидя напротив, колдун накрыл её ладони своими. Прикрыл глаза; ресницы у него были темнее, чем волосы, и не слишком длинные, но пушистые.

– Не шевелись, – сказал Лод. – И скажи, если почувствуешь себя плохо.

Золотистое сияние с внутренней стороны ладоней просветило его пальцы алым. Странная светлая дымка окутала и руки Кристы, и кристалл в них; девушка заворожённо, широко открытыми глазами наблюдала за камнем, начавшим слабо светиться изнутри. А я внимательно следила за обоими из-за занавеси тёмных волос – никогда не забирала их в хвост или косу, привыкнув прятать глаза за длинными прядями. Это давало ощущение… уединения. Безопасности.

Да, я немного социофоб. Одиночество всегда скорее привлекало меня, чем пугало.

– Достаточно. – Лод резко взметнул ресницы вверх, и сияние в его ладонях мгновенно померкло – так же как исчезла колдовская дымка. Только кристалл продолжил сиять мягким молочным светом, плескавшимся в его прозрачной глубине. – Как себя чувствуешь?

– Отлично, – ответила Криста, с вызовом вздёрнув идеальный носик.

Она явно ответила бы то же самое, даже находясь на последнем издыхании. И хотя особо зловещих последствий колдовства я и правда не заметила, вряд ли колдун пощадил меня без причины.

– Прекрасно. – Лод кивнул на другие кристаллы, дожидавшиеся своего часа у края стола. – Тогда бери следующий.

Я поняла, почему меня оставили в покое, после четвёртого камня. К тому моменту Криста побледнела, под глазами её залегли тени, да и очередное «отлично» прозвучало куда тише… однако сокамерница упрямо потянулась за пятым кристаллом. Наверное, стоило бы вмешаться и приказать ей не дурить, но я молча созерцала процесс, чувствуя себя зрителем в кино. В конце концов, в няньки к ней я не нанималась, а убивать её явно никто не собирается – пока.

Спустя какое-то время я различила тень усмешки, притаившуюся в уголках губ Лода, – и в лице его прочла схожее чувство.

…задолго до попадания сюда я думала, что в любимых книжках Мари она была бы главной героиней, а я – её умным прихвостнем. Любой компании приключенцев нужен мозг (иначе долго она не проживёт), но подобный тип плохо совмещается с размахиванием мечом, влипанием в неприятности и прочими атрибутами уважающего себя героя (а заодно причинами, по которым без умного прихвостня он долго не проживёт). Мари распределяющая шляпа явно отправила бы в Гриффиндор; меня же почти наверняка ждал Рэйвенкло. На мой взгляд, замечательный факультет, студенты которого не руководствуются в основном принципом «слабоумие и отвага»… но именно поэтому всё самое интересное в Хогвартсе происходило не с ними.

И ныне я окончательно убедилась, что Криста – истинный гриффиндорец. Руководствующийся тем самым принципом, что абсолютно чужд мне.

Прервалась Криста сама, на седьмом по счёту камне: вдруг разжала пальцы, закатила глаза и чуть не рухнула с кресла. Хорошо ещё, Лод удержал её за руки.

– Просил же предупредить, если станет плохо, – бросил колдун равнодушно. – Акке!

Я всё-таки вздрогнула, когда иллюранди шагнул из тени рядом с книжным шкафом – легко, непринуждённо, так быстро, словно всё это время там прятался.

…да, убивать нас пока никто не собирается. Но и особенно беречь – тоже.

Слуга колдуна поклонился. Он казался немногим старше меня, однако я догадывалась, что это обманчивое впечатление.

– *Гестгафи?* – произнёс юноша. Этого слова я не знала и лишь могла предположить, что оно означает нечто вроде «господин». Не забыть бы спросить о значении у Кристы, когда она очнётся (а я надеялась, что она очнётся).

– *Така хана и свефнхерберги.* – Лод указал глазами на Кристу. – *Морти ог сейя ас ех сарф саз.*

Перед глазами мгновенно всплыли вчерашние пергаменты. «Така» – отнести, «хана» – её, «и» – в, «свефнхерберги» – спальня. Значит, первое предложение переводится как «отнеси её в спальню», а второе… «морти и сказать, что я нуждается в она»? Бред, но, если переставить слова и пофантазировать со склонениями… похоже на «и скажи морти, что она мне нужна». Вот это уже звучит складно – только «Морти» должно быть с большой буквы, учитывая, что прежде колдун упоминал кого-то с этим именем.

Да, пока знание языка было далеко от совершенства, но хоть что-то.

– *Хшива,* – откликнулся иллюранди и подхватил Кристу на руки – легко, словно тряпичную куклу. Должно быть, «слушаюсь»… но я мысленно поставила ещё один знак вопроса, надеясь, что память не подведёт.

– Полагаю, сегодня тебя лучше не беспокоить лишними разговорами, – сказал Лод, когда мы остались одни, – не то горло разболится. О твоей сумке поговорим, как выздоровеешь.

– Не так уж я и больна, – сказала я, за дужку подтянув очки, норовившие сползти на кончик носа. Конечно, разумнее было бы согласиться с колдуном – да только, к сожалению, у меня тоже назрело к нему немало вопросов. – Вещи в нашей комнате… душ и прочее… это ведь вы сделали?

Лод кивнул.

– По рассказам людей из нашего мира?

Ещё один кивок.

– И поэтому вы хотите расспросить меня? Чтобы сделать другие вещи, которые есть у нас?

– В чём-то, что есть у вас, мы не нуждаемся, – откликнулся колдун, – но некоторые предметы оказываются весьма полезными.

Он смотрел на меня почти не моргая, мягко и пристально, казалось, не упуская ничего – ни единого слова, движения, мысли. И этот взгляд, светлый, как небо в пасмурный день, тревожил: словно тебя видят насквозь, зная о тебе то, чего ты и сама не знаешь.

Но я не отводила глаз. Ведь в гляделки можно играть вдвоём.

– Почему вы спасли меня? – спросила я – неожиданно для себя в той же мере, что для него.

Лод вопросительно вскинул бровь.

– Вы не знали, кто я. Полагаю, вы с королём просто прогуливались в саду, как вдруг кто-то всплыл посреди пруда. Не думаю, что дроу имеют привычку там купаться, и вы должны были понимать, что я чужая. Но всё равно бросились в воду. – Я оперлась локтями на стол и сощурилась, положив подбородок на сложенные домиком ладони. – А когда вы вытащили меня, я была почти мертва, я знаю. Я уже захлебнулась, и вы меня откачали. Так почему вы спасли меня? Зная, что я чужая? Зная, что я могу оказаться вражеским шпионом?

– Странный вопрос. – Улыбку колдуна окрасила некая озадаченность. – Разве ты не стала бы спасать того, кто тонет на твоих глазах?

– Если он может оказаться врагом? Нет.

– А если ты не знаешь, враг это или друг?

– У меня есть лишь один друг. И пара приятелей. Их я всегда узнаю. А до остальных мне дела нет.

Колдун склонил голову набок, позволив уловить ещё один окрас его улыбки – удовлетворённый. Словно я была загадкой, которую ему вздумалось разгадать, и только что я подкинула ему ещё один ключ.

– Ты интересный человек, Снезжана, – произнёс он. – Люди зачастую мнят о себе больше, чем они есть на самом деле, приукрашивая достоинства и не замечая недостатков. Правду, которая отражается в зеркале, признают лишь немногие. Но я, пожалуй, впервые встречаю кого-то, кто в своих же глазах нарочно раскрашивает себя в чёрные тона.

– А вы хотите сказать, что на самом деле я не такая.

Непроницаемая улыбка в ответ.

…да, он не слишком похож на злого колдуна из сказок. Для злого колдуна он выглядит слишком располагающим, слишком мягким, слишком *приятным.* И всё это маска, за которой он прячет нечто большее, – маска столь же приятная, сколь опасная.

– Боюсь разочаровать, но внешность бывает обманчива… хотя в моём случае это не так. – Я откинулась на спинку кресла. – Кто может лучше знать меня, чем я сама?

– Порой со стороны виднее, – заметил колдун, рассеянно почёсывая себя за ухом; в его исполнении странный жест смотрелся естественно и мило. – Так ты не знаешь, почему отличаешься от всех?

Неожиданная смена темы заставила меня замешкаться. Неожиданный вопрос – тем более.

– В смысле?..

– Почему не знаешь риджийского. Почему в тебе не проснулся магический дар. Я проверял – ни намёка на него. А ведь все, кто переносился в Риджию из вашего мира, становились магами, и очень могущественными.

А я уж думала, ему плевать на то, что очередной его питомец не похож на предыдущих…

Пояснение было логичным, да только мне всё равно казалось, будто в его вопросе было двойное дно. Но не мог же он знать, *насколько* я отличаюсь от всех.

– Не знаю, – совершенно искренне ответила я. – Может, потому, что я переместилась сюда, свалившись в реку?

Колдун сузил глаза. Приложил палец к губам, будто самого себя призывая к молчанию.

– Возможно. – Протянув руку в сторону, он извлёк из воздуха предмет, в котором я узнала свой смартфон. – Похоже, ты действительно чувствуешь себя неплохо. Может, тогда расскажешь мне, что это?

Я взяла телефон, подозревая, что ни он, ни планшет, ни другие вещи в моём шопере не пережили купания сперва в Москве-реке, а затем в пруду дроу. Как это часто бывало, моя гипотеза подтвердилась: включаться смартфон отказался. Дай мне его в руки сразу после того, как вытащили из воды, может, я и смогла бы его реанимировать, но теперь…

– Это мобильный телефон. Вы о таких уже знаете.

– Но телефон выглядит не так, – возразил колдун. – Он меньше, на нём есть кнопки. А этот похож на карманное зеркальце, только чёрное.

Ясно… Не знаю уж, какой год был в нашем мире, когда к Лоду попала предыдущая жертва порталов между мирами, но мобильники тогда только входили в обиход.

– Это усовершенствованная модель. С её помощью можно слушать музыку, читать книги, смотреть… красивые картинки… и общаться с друзьями, – сказала я, чувствуя себя воспита-

тельницей в детском саду. Просто не хотелось вдаваться в такие подробности, как «влезать в интернет», «фотографировать», «мессенджеры» и «видосики», не то придётся провести здесь ещё часа два. – Только от воды телефон испортился, так что я не смогу показать наглядно.

– То есть это одновременно телефон и плэй-йер, – догадался Лод.

– Да.

– И с его помощью можно читать книги?

– Копии книг. Грубо говоря, весь текст книги копируют, и он отображается вот здесь. – Я постучала ногтем по зеркальному экрану.

– Действительно хорошая вещь. – Кивнув, Лод с ловкостью фокусника вытянул из воздуха мой планшет. – А это, должно быть, несовершенный телефон?

– Нет, это планшет. Его изобрели позднее телефонов. Он… почти такой же, как телефон, но лучше.

Колдун нахмурился:

– Он больше. Его сложнее носить с собой.

– Немного. Но с его помощью можно… слушать музыку, читать книжки, смотреть картинки и общаться с друзьями, – немного беспомощно повторила я.

– То есть делать всё то же самое, что с телефоном?

– Ну… да.

– Тогда зачем вы его изобрели, если у вас уже были предметы для этого?

…а если подумать, действительно: зачем? Можно прочитать долгую лекцию про разрешение экрана, интерактивные приложения, операционную систему и быстродействие процессора, но для Лода всё это будет пустым сотрясением воздуха. В чём суть?

– Ну, – откликнулась я наконец, – на планшете… картинки больше… и красивее.

Лод внимательно посмотрел на меня – и я удержалась от того, чтобы развести руками, извиняясь разом за всех землян, из года в год изобретавших приборы для всё более комфортного просмотра тик-токов вместо того, чтобы колонизировать Марс.

– Думаю, тебе лучше отдохнуть, – мягко произнёс колдун, поднявшись из-за стола. Провёл рукой над кристаллами, точно поглаживая воздух, и все камни исчезли. – Лекарства вам скоро принесут. Кристе нужно восстановиться, так что сегодня и завтра вы вольны заниматься чем угодно. Только из башни не выходите.

– А из комнаты можно? – не замедлила я поймать его на слове.

– Можно, – произнёс Лод великодушно. – Но там, – он указал на лестницу одними глазами, – мой рабочий кабинет, а я не люблю, когда меня отвлекают во время работы.

– Поняла, – покладисто кивнула я.

– Хорошо. Доброго дня, Снезжана.

Я проследила, как он поднимается по тёмным каменным ступеням. Потом встала с кресла и, украдкой покашливая, обошла гостиную – присматриваясь, приглядываясь, изучая.

В целом в комнате не было ничего интересного, не считая деревянной мишени для дротиков на стене, цветка в горшке, похожего на фикус, да огромного книжного шкафа. Я взяла одну из книг, самую большую, в потёртом кожаном переплёте; на обложке названия не было, оно обнаружилось лишь на первой странице, аккуратно написанное от руки, и гласило *«Юртир ог плонтур»*. «Травы и растения».

Ещё вчера меня удивило, что написание многих местных букв схоже с земной латиницей. Но находились и такие символы, которым не было аналога. К примеру, буква, звучавшая как нечто среднее между «з» и «в», а писавшаяся как зеркально отраженная «б» с горизонтальной чёрточкой на хвостике. Или ещё одна, по звучанию сочетавшая «с» и «ф», а по написанию напоминавшая русскую «р» – в которой вертикальная линия удлинялась не только вниз, но и вверх.

Знакомые слова я читала уже весьма сносно, а потому смело принялась брать с полки одну книгу за другой, пока не наткнулась на ту, что могла оказаться полезной.

– «*Сьёгулегар скийрингар*». «Исторические записки». – Толстый том вернулся на место, но лишь на время. – Тебя-то мне и надо.

Я опустилась на корточки. Поколебавшись, вытянула с нижней полки шкафа небольшую плетёную корзину с крышкой – и, открыв её, обнаружила мраморную шахматную доску и набор каменных фигур. В этом мире есть шахматы? Да нет, скорее всего, кто-то из нашего мира рассказал о них Лоду…

Я взяла в ладонь коня. Провела пальцем по острым ушам.

…в моей жизни было три величайших любви: математика, Сашка – и шахматы. В последние я влюбилась, как только лет в шесть обнаружила в шкафу дедушкину доску из потрёпанного дерева. Правда, потом я преимущественно играла в шахматы на компе: лет с десяти не могла найти в своём окружении никого, кто играл бы со мной на одном уровне, а доказывать в шахматных кружках, что я достойна соревноваться со взрослыми, было лень. Зачем, когда за кубками и медальками я не гналась, а в интернете никто не знает, что ты кот – и что ты ребёнок, тоже.

– *Эрт фу стэлль фра хёдрум хейми?* – мелодично поинтересовались за моей спиной.

Это была девушка-дроу. И, вопреки моим ожиданиям, испорченным сотней игр, она не носила ни платьев со сногсшибательными разрезами, ни бронированного белья: всего лишь чёрную рубашку, шёлковый корсет под грудь, отливающий синей сталью, бархатные штаны и кожаные ботфорты. Образ вышел боевой, но вполне приличный – и более чем женственный. Глаза кошачьи, цвета шафрана, сощуренные и любопытные. Точёное лицо со странными искажёнными пропорциями – завораживавшее неправильной, нечеловеческой красотой, как прекрасный и опасный танец огня. Снежные волосы собраны на макушке в высокий хвост. На лбу поблескивает серебряный венец, такой же, как у короля, – заставивший меня на всякий случай вскочить и склонить голову: ошейник традиционно – символ рабства, а рабам положено кланяться, и особенно – перед венценосными особами.

Я довольно быстро сообразила, что вопрос переводится как «это ты девочка из другого мира?». Но лучше не давать моим тюремщикам знать, что я стремительно продвигаюсь в изучении их языка. Косить под дурачка всегда легче.

А ещё быстрее я сообразила: наверняка это та самая Морти, которая понадобилась колдуну.

– Не понимаю, – пробормотала я, для пущей убедительности разведя руками.

Головы я не поднимала, но всё равно увидела, как девушка нахмурилась и поправила длинный кожаный ремень, перекинутый через плечо. К нему крепился объёмный ларец чёрного дерева с изящной серебряной ручкой.

– *Фу талар экки тунмалив и Риджия?*

Я убито молчала, хотя только что меня спросили, не говорю ли я на риджийском.

Дроу вздохнула. Улыбнувшись мне (подумать только), неопределённо махнула рукой и прошествовала к лестнице в кабинет Лода.

Дождавшись, пока она удалится, я подтащила корзину с шахматами к столу, извлекла оттуда тяжёлую доску и кое-как водрузила её на лакированное дерево.

…брать книгу сейчас я не рискну. Наверняка заметят – и зададутся вопросом, зачем мне чтиво на языке, которого я не знаю. Зато можно сделать вид, что Кристе захотелось почитать, – только вот для этого придётся ждать, пока она проснётся.

Но в ожидании пробуждения сокамерницы надо чем-то себя занять. И раз уж мне разрешили остаться в гостиной, под предлогом игры я воспользуюсь ей как наблюдательным пунктом.

Я разыгрывала уже четвёртую партию против самой себя, честно стараясь не симпатизировать ни белым, ни чёрным – пусть даже эта игра складывалась подозрительно похожей на знаменитую «Бессмертную партию» [16], – когда на лестнице послышались голоса. Спустя какое-то время в гостиную спустилась дроу, а следом за ней – Лод; и если дроу выглядела вполне прилично, разве что подозрительно сияющей и немного растрёпанной, то выправленная рубашка взлохмаченного колдуна ясно свидетельствовала о том, что они наверху как раз отнюдь не в шахматы играли.

Заметив меня, на всякий случай снова опустившую голову и вжавшуюся поглубже в кресло, парочка осеклась и замолчала. Хотя предполагалось, что я всё равно не пойму, о чём они говорят.

– *Йаэя, Лод,* – бросила дроу, – *ех айтла ас фара.*

Кажется, она сказала, что собралась уходить…

– *Комду квёльд.* – Лод ласково коснулся её щеки.

…а колдун пригласил её прийти вечером…

– *Ёхвитах, мун ех кома.* – Дроу поцеловала колдуна в губы – коротким поцелуем давно и надёжно законной девушки – и была такова.

…и дроу была очень даже не против.

Наличие у колдуна любовницы меня немного удивило. Злые колдуны обычно не могли похвастаться красотками-возлюбленными (что наверняка отчасти и объясняло их злобность). Но, в конце концов, у нас тут неправильная сказка, а Лод – взрослый мужчина со своими потребностями; и странно было бы предположить, что при дворе дроу, в фэнтези традиционно не славившихся аскетизмом, он не найдёт способа эти потребности удовлетворять.

Посмотрев на фигуры, Лод добродушно вскинул бровь, – и я внезапно осознала, что в его присутствии испытываю куда меньше тревоги, чем раньше. Даже не вскочила с места и, как только дроу ушла, перестала вжиматься в спинку, стараясь сделаться как можно менее заметной.

– Играешь в шахматы? – спросил колдун.

– Уже заканчиваю. – Я торопливо смела фигуры с доски обратно в корзину. – Откуда они у вас?

– Девушка, которая пришла до тебя, рассказала. – Так я и думала. – В Риджии есть похожая игра, называется «скаук», но ваш вариант мне больше нравится. Другие фигуры, другие правила. – Лод следил, как я поднимаюсь из-за стола. – Сыграем как-нибудь?

– Как-нибудь, – согласилась я, проскользнув мимо него по направлению к нашим покоям. Одно важное сведение мой дозор принёс, можно пока и спрятаться обратно в относительно безопасную клетку.

– Снезжана…

Я обернулась. Колдун смотрел на меня, и взгляд его светился лукавством.

– Можешь есть без опаски. И пить лекарства, которые мы для тебя нашли, – сказал он почти ласково. – Ты видела, что может с вами сделать ошейник. Думаешь, после этого нам нужно прибегать к отраве?

Я моргнула. Не сумев быстро сообразить, какой ответ будет правильным, безмолвно склонила голову и, отвернувшись, шмыгнула в комнату.

Мне казалось, что пристальный взгляд колдуна преследует меня, даже когда нас разделила закрытая дверь. Так он знает про еду?.. И почему мне кажется, что он подозревает…

– Явилась! – нервно воскликнула Криста, лежавшая в кровати, но благополучно очнувшаяся. – Я вся извелась!

---

[16] Шахматная партия, разыгранная в Лондоне в 1851 году между Адольфом Андерсеном и Лионелем Кизерицким.

– Могла выглянуть в гостиную и не изводиться, – сказала я, вглядываясь в лицо сокамерницы. Вид у неё был вполне здоровый, да и недовольство выказывать сил хватало, что о чём-то говорило. Конечно, опыты Лода портили результаты эксперимента… но на покорную жертву под запрещёнными веществами Криста точно не походила.

Что ж, видимо, следующую уготовленную мне тарелку я всё же не оставлю нетронутой. В конце концов, доводы колдуна звучали вполне здраво, а такими темпами я скоро дойду до голодной трясучки, что отрицательно повлияет на мою продуктивность.

– Я вообще больше из этой комнаты не выйду! – Криста злобно покосилась в сторону двери. – Грёбаный колдун! Почему он не остановил меня, хотя видел, что мне плохо?

– Он честно тебя предупредил. И думал, наверное, что ты большая девочка, не страдающая склонностью к мазохизму.

Хотя я знала, почему Лод её не пощадил – помимо того, что его вообще не должно особо волновать наше самочувствие. Именно так и надо воспитывать непослушных детей: не твердить о том, что нельзя касаться раскалённой плиты, а дать разок ткнуть пальцем во включённую конфорку.

– Он сказал, завтра ты отдыхаешь, – добавила я. – И, боюсь, выходить всё-таки придётся, иначе заставят. Но вроде действительно обошлось без серьёзных последствий?

– Это из-за лекарства, – буркнула Криста. – Сначала калечат, потом лечат…

– Какого лекарства?

Девушка выпростала руку из-под одеяла и указала на стол. Кто-то заботливо оставил там наш обед – одна тарелка уже опустела – и две бутылочки тёмного стекла. К горлышкам последних прикрепили пергаментные ярлычки, где аккуратно написали наши имена: на риджийском, естественно.

– Они были там, когда я проснулась, – сказала Криста. – Думаю, в моей что-то, восстанавливающее силы. А в твоей наверняка средство от простуды.

Я вытащила пробку из бутылки с лекарством, и в нос ударил пряный запах полыни. Сделала глоток, ожидая сводящую челюсть горечь, но жидкость оказалась сладкой и тягучей, как сироп шиповника.

Кажется, я догадываюсь, что несла любовница колдуна в чёрном ларце…

Я посмотрела на еду – на этот раз подали белые стручки, похожие на фасоль, под соусом, похожим на грибной. После недолгого колебания села за стол и подвинула тарелку к себе.

На вкус стручки тоже вполне походили на фасоль, а соус – на грибной. И, как выяснилось, кулинары из дроу (или иллюранди, не знаю уж, кто хлопочет на здешней кухне) были действительно недурные.

– Чем ты там занималась? – Криста следила, как я ем, со странным умилением: видимо, волновалась, что я оголодаю вконец. Это даже трогало.

– Рассказывала колдуну про мобильники. А потом в шахматы играла.

– С кем?

– С собой.

Криста воззрилась на меня как на чучело диковинной зверюшки, вымершей в доисторические времена.

– У дроу есть шахматы? – после недолгой паузы спросила она.

– Наши предшественники про них рассказывали. А колдун, похоже, воспроизвёл. Сыграем попозже?

– Я плохо играю…

– Ничего, может, я тебя научу, – с сомнением проговорила я. Сложила вилку и нож по обе стороны тарелки: съеденного хватит, чтобы унять рези в желудке, а я всё ещё не доверяла здешней еде настолько, чтобы умять полную порцию. – Слушай, а с чего вообще дроу и эльфы враждуют между собой?

Криста вздохнула и с готовностью завела пространный рассказ.

…когда-то эльфы, дроу и люди жили в мире, дружили и тесно сотрудничали (лепреконы всегда были расой обособленной). Но триста лет назад Тэйрант из рода Бллойвуг, Повелитель дроу, вдруг понял, что в сравнении с эльфами и дроу люди стоят на низшей ступени развития, да и вообще когда-то прибыли в Риджию из-за моря. Следовательно, они не имеют права на равенство с её коренными обитателями.

Посему Тэйрант решил, что люди должны исчезнуть. Все, за исключением магов, которых боги отметили колдовским даром.

Идею не оценили ни эльфы, ни тем более сами люди. В итоге Тэйрант объявил светлых братьев изменниками, пошедшими против изначального замысла богов. Себя же он считал десницей провидения, призванной очистить Риджию от людской скверны. Всё это привело к ужасной кровопролитной войне, названной Войною Пяти Народов, разделившей жителей Риджии на «светлых» и «тёмных». К первым с той поры относили эльфов, людей и лепреконов, ко вторым – дроу и иллюранди.

Тёмные побеждали. Им помогал Ильхт из рода Миркрихэйр, самый могущественный и ужасный маг, когда-либо рождавшийся среди людей; он перешёл на сторону дроу вместе со своими последователями-колдунами, коих нашлось немало. Тэйрант сделал Ильхта своей правой рукой, и вдвоём они погубили больше светлых, чем всё их войско… но от гибели людей и эльфов спасли лепреконы. Маленький народец долго отсиживался в своих предгорных лесах, однако в решающий момент всё же присоединился к битве на стороне света.

Тэйрант и Ильхт были убиты. Лишившись командиров, дроу бежали и укрылись под сводами гор. Их не преследовали: важнее было засеять выжженные поля, отстроить заново города, обратившиеся в пепелища, и справиться с иллюранди, которые не спешили отступать следом за своими хозяевами.

Триста лет дроу давали о себе знать лишь периодическими вылазками в предгорные города – на свои бывшие земли, где они крали всё, что можно было украсть, и убивали всех, кого можно было убить. Пять раз светлые собирали войско и отправлялись в горы, чтобы раз и навсегда покончить с порождениями тьмы, и пять раз возвращались ни с чем: в подгорных лабиринтах, усеянных смертоносными ловушками дроу, они были бессильны. В конце концов на тёмных махнули рукой, и люди и эльфы просто перестали селиться рядом с горами, а вглубь страны дроу соваться не осмеливались. Тэйрант и Ильхт превратились в персонажей страшных сказок, которыми на ночь пугают детей. Тэйрант Кровавый и Ильхт Злобный, так их прозвали. Повелитель дроу и его ручной колдун, едва не уничтожившие привычный мир.

Но восемнадцать лет назад дроу снова напомнили о себе.

Вначале явился их посланник. Иллюранди – им под силу проникнуть всюду, если только место не защищено весьма специфическими чарами. Посланец дроу вынырнул из теней прямо перед Повелителем людей; прежде чем стража успела среагировать, учтиво поклонился и сообщил, что тёмные хотят перечеркнуть старую вражду и заключить мир. Все трое светлых владык отнеслись к этому настороженно, но, посовещавшись, всё же согласились на встречу.

Тогда явились сами дроу. В условленный день они во главе со своим Повелителем прибыли на место переговоров, замок Матхниз на Долгом озере, что раскинулось на границе королевств людей и эльфов. Они расточали улыбки. Они говорили, что дети не в ответе за грехи отцов. Они казались полными раскаяния.

Казались.

А на пиру, который затеяли в честь воссоединения риджийских народов, устроили резню.

Владыки людей и лепреконов погибли. Повелитель эльфов, отец Дэна, чудом уцелел, но потерял жену. Невероятными усилиями он и его верные воины смогли одолеть и убить дроу, однако победа далась дорогой ценой, и с того дня отношения обострились до предела. Светлые

поняли, что тёмные никогда не исчерпают своей ненависти к ним, и тогда Повелитель эльфов начал готовиться к войне. Новой войне, которая раз и навсегда завершила бы старую.

Один за другим светлые разведчики жертвовали собой, пытаясь вызнать расположение городов дроу и нарисовать карту подгорных лабиринтов. Дроу тоже не сидели на месте – их лазутчиков периодически ловили то в городах рядом с горами, а то и в самих столицах. Впрочем, особых неприятностей дроу не доставляли, а эльфы – народ неторопливый, ведь у них в запасе срок куда больше людского. Потому-то подготовка к войне и тянулась вот уже восемнадцать лет.

Когда Криста прибыла в Риджию, о тёмных немного подзабыли: при эльфийском дворе хватало своих интриг. Но когда с её помощью всех интриганов вывели на чистую воду – вспомнили снова.

– Ты поэтому отправилась к горам дроу? – хмуро поинтересовалась я, осознав, что помимо магических способностей меня забыли одарить ещё и редкостной удачей: только ею можно объяснить, что человек с интеллектом Кристы смог раскрыть хоть какую-то интригу. – Решила продолжить карьеру спасительницы эльфов, в одиночку разобравшись со всеми тёмными?

– Я же говорила! Я решила попробовать, как это – странствовать по стране и помогать людям. Остановилась в городке неподалеку от столицы. Там встретила девушку… её хотели насильно выдать замуж, и она попросила меня съездить в Тьядри, город рядом с горами. Передать письмо её возлюбленному. Я и поехала.

– А как тебя к самим горам занесло?

– У возлюбленного этой девушки была маленькая сестра, она заболела, и для лекарства нужны были кое-какие травы…

– …которые растут только в горах дроу, – закончила я. – А поскольку никто не торопился на тот свет, кроме тебя, съездить за ними оказалось некому.

Криста уныло кивнула.

Милосердие, как и любовь, – опасная штука. И вот всегда твердила Сашке, что нужно быть осторожнее с побочными квестами…

– Весёлые ребята эти дроу, – помолчав, подытожила я.

– У тебя уже есть план побега? – с надеждой спросила Криста.

Я покачала головой.

– Маловато информации. Так что после еды продолжим изучение риджийского. Но сначала мне нужно, чтобы ты достала из шкафа в гостиной одну книгу…

За минувшую ночь все четыре листа, исписанных накануне, неведомым образом очистились от чернил. Меня это насторожило, но и порадовало: отпала нужда просить у колдуна новые. «Исторические записки» Криста взяла без проблем, так что дальше изучение риджийского двинулось несколько в другом направлении. Я читала, тыкая пальцем в незнакомые слова, а Криста выписывала их на пергамент с переводом.

И да, моё вольное истолкование изречений иллюранди оказалось верным.

После чтения я заставила сокамерницу говорить со мной на риджийском, не только на бытовые, но и на литературные темы. Как оказалось, Криста поразительно мало читала, потребляя в основном так называемый «янг эдалт» вроде «Сумерек» и «Голодных игр», так что я решила пересказать ей «Джейн Эйр» и «Грозовой перевал». Просто пересказать, довольно подробно; при желании можно было вытащить обе книги с ментальной полочки и поведать слово в слово, но на это ушло бы слишком много времени.

К слову, с любимыми Мари произведениями про попаданок Криста тоже знакома не была, – и мне стало ясно, почему сокамернице неизвестны законы жанра, правящие бал в том театре шаблонного абсурда, куда мы угодили.

Конечно, я предпочла бы одно из сочинений Камю или Гегеля. Только вот урок обратился бы мучением и для Кристы, и для меня: ей – из-за сложности восприятия, мне – из-за трудностей перевода. А вот эти романы, как я и думала, пришлись сокамернице по вкусу. Слушала она, затаив дыхание, а на сюжетные повороты реагировала с очаровательной непосредственностью.

Если в процессе пересказа я понимала, что не знаю перевода какого-то слова, оно тоже записывалось на пергамент. Работа предстояла титаническая – я запоминала убогую письменную транскрипцию кириллицей, но она зачастую не способна была передать всех тонкостей произношения. Большинство согласных, как и гласных, требовалось сглаживать и смягчать, но некоторые – нет: та же «р» выговаривалась вполне себе твёрдо. А со слуховой памятью у меня дела обстояли далеко не так хорошо, как со зрительной, – приходилось порой по нескольку раз повторять то или иное слово, прежде чем я выговаривала его правильно.

В конце концов Криста взмолилась о передышке, и мы всё же сыграли в шахматы. Сокамерница действительно играла отвратительно, в первой же партии попавшись в элементарную дебютную ловушку и проиграв на восьмом ходу. Другие две игры прошли не лучше, и, сдавшись, я позволила Кристе просто валяться на кровати, плача от тоски по своему принцу. М-да… кажется, ждать от её истории феминистических тенденций «спаси-себя-сама» не стоило.

Периодически сокамерница прерывалась; тогда меня удостаивали рассказами о том, как лихо она разоблачила заговорщиков при эльфийском дворе, и восторженными описаниями её прекрасного Дэна.

– Его все любят, все! – разглагольствовала Криста, промокая слёзы уголком подушки. – Он истинный принц, достойный наследник престола!

– Угу, – рассеянно согласилась я, изучая переведённые «Записки» и разбираясь в законах риджийского словообразования. Повезло, что риджийский ещё проще английского: падеж у существительных всегда один, даже притяжательного нет, а связь с другими словами достигается с помощью различных предлогов. У личных местоимений куча разных склонений, но их выучить несложно. Некоторые слова казались мне знакомыми, да и общий колорит напоминал языки из скандинавской группы… Даже жаль, что я никогда не задавалась целью стать полиглотом. Для моих нужд мне вполне хватало свободного владения английским, китайским и японским.

Неужели у риджийского действительно есть общие корни с каким-то из наших языков? Откуда?..

– Он и у отца своего любимчик! У Дэна есть младший брат, Фаник, он очень старается Дэну подражать, но слишком… мягкий, что ли? Мечом толком владеть не умеет, и вообще… Мне было так смешно, когда он решил за мной приударить, но и обижать не хотелось, ведь он милый…

…а, вот и любовный треугольник, который я угадала в первый день. Впрочем, два эльфийских принца – это скучно. По законам жанра скорее король дроу должен воспылать к Кристе запретной страстью, чтобы ей ещё пару книжек пришлось метаться, выбирая между милым заботливым светлым и опасным харизматичным тёмным.

Но у нас тут неправильная сказка, не забываем, – и я легче поверю в тайный роман между королём и колдуном, нежели в то, что *этот* король испытает к Кристе чувства теплее, чем к дворцовым крысам, если они тут есть.

– …и Повелитель не особо его любит, – сочувственно вздохнула Криста. – Зато Дэна обожает! – Это что же, у нас тут ещё и местные Боромир с Фарамиром имеются? Если кто-то и правда придумывал историю Кристы, умудрившись собрать столько клише, мне его жаль. – Он мне сказал как-то… да, Повелитель ко мне замечательно относится, и он одобряет, что я невеста Дэна! Пусть я простой человек, и не принцесса, и не из Риджии…

На этом я предпочла вернуться к обучению и отключить слух, пропуская дальнейшие излияния мимо ушей.

После ужина мы продолжили, и, ложась спать, я вспоминала содержание как очередных четырёх пергаментов, так и «Записок». Они представляли собой нечто вроде дневника, который в разное время вели разные люди. Сегодня я прочла записи, датированные шестисотыми годами второй эпохи Риджии; Криста сказала, что это было четыреста лет назад, ещё до войны. Как оказалось, тогда дроу жили не под горами, но всё равно предпочитали ночной образ жизни и поклонялись лунной богине Тунгх. Тёмная прохлада и сияние звёзд были им милее солнечного света. Эльфы же, как объяснила Криста, больше почитали бога Солира, воплощение солнца. Люди уважали веру коренных обитателей Риджии, но сами возносили молитвы Четверым – богам, олицетворявшим четыре стихии, – а о божествах лепреконов и иллюранди ничего известно доподлинно не было.

«Записки» вёл придворный маг дроу. Человек. Удивительно, но человеческие маги издавна прекрасно устраивались и среди эльфов, и среди дроу: магические возможности первых были весьма специфическими, в духе исцеления или управления растениями, а силы вторых ограничивались коварными колдовскими ловушками и особыми боевыми навыками. Только люди являлись магами в привычном смысле этого слова: черпали силы из природных стихий, могли изобретать боевые заклинания и создавать артефакты.

Неудивительно, что Тэйрант признал их право на существование.

Записки были призваны облегчить жизнь следующим придворным магам, которые в свою очередь обязались фиксировать своё пребывание у дроу в той же книге. Эпический труд в основном касался магических исследований, быта дроу и важных политических событий, например встречи Повелителей или торгового контракта с лепреконами. Чтиво было интересное, хотя к настоящему имело мало отношения; закончила я на моменте, как маг решил вернуться в земли людей, дабы коротать старость в обучении юных колдунов. Следующая запись велась уже другим почерком и, если верить Кристе, датировалась днём, с которого до Войны Пяти Народов оставалось пять лет. И правда, старый маг упоминал принца Тэйранта, наследника престола дроу: умного, обаятельного, красивого юношу, любознательного и не по годам сильного.

Грустно было знать, что после этот мальчуган развяжет войну…

Не удержавшись, я перелистнула несколько страниц, забежав вперёд.

И не удивилась, узнав, что имя нового придворного мага – Ильхт.

Следующий день прошёл почти так же, как и предыдущий. Сперва – беседа с Лодом, потом – изучение риджийского, чтение «Записок» и шахматы с самой собой.

Колдун сдержал обещание: Кристу действительно трогать не стали, а вот меня вызвали для следующего тет-а-тета. Поскольку с утра от моей простуды не осталось и следа, я мысленно приготовилась к неприятной процедуре с кристаллами… но Лод об этом даже не заикнулся. Всё ограничилось тем, что я на пальцах объясняла ему, что есть компьютер и интернет.

Получилось, по-моему, плохо, однако колдун всё равно остался доволен.

Наш разговор прервала его любовница. Вновь приветливо улыбнувшись мне (подумать только!), венценосная дроу бесцеремонным тычком под рёбра заставила Лода подняться с кресла, после чего оба удалились наверх. Тогда я вновь заняла свой наблюдательный пункт за шахматной доской, но до момента, когда у меня начало сводить желудок от голода, повторного появления голубков так и не дождалась.

Что ж, у нашего тюремщика есть слабость – и не воспользоваться ей при побеге будет грешно.

В спальне снова ждали тарелки, услужливо оставленные на столе, а после еды мы с Кристой вернулись к урокам риджийского. Пересказав сокамернице «Унесённых ветром» и пару

романов Остин, я углубилась в чтение «Записок»… и тут, помимо кучи незнакомых слов, обнаружила кое-что интересное.

Ильхт из рода Миркрихэйр вёл записи не слишком часто. Складывалось ощущение, что у него есть более интересные занятия, и перерыв между заметками составлял порой по полгода. Но постоянно упоминался Тэйрант, юный принц дроу: он был ровесником Ильхта, прибывшего к дроу совсем мальчишкой, – обоим едва исполнилось семнадцать. А год спустя отец принца скончался, неудачно поохотившись на дракона, и в восемнадцать лет будущий Тэйрант Кровавый стал Повелителем дроу.

Чем дальше я читала, тем больше в записях сквозил дух будущего Ильхта Злобного. Ильхт восторгался красотой дроу, их привычками и обычаями. Он сетовал на то, что этот прекрасный народ не властвует над всей страной, а вынужден ютиться в предгорных землях. Он обвинял людей в том, что, давным-давно прибыв на чужую землю, они стали вырубать заповедные леса и теснить коренное население. Он понял, что люди – узурпаторы, навязавшие жителям Риджии свои правила и законы, а эльфы, дроу и лепреконы по доброте душевной позволили им это сделать.

Он потом убедил в том же пятьдесят шесть человеческих магов, и одна из них стала его женой.

Я так и не поняла, Тэйрант ли навязал ему свои взгляды, или до всего этого Ильхт додумался сам. Как бы там ни было, в семьсот пятьдесят первом году началась война, а записи стали появляться чаще.

И с этого момента от читаемого даже у меня волосы встали дыбом.

Просто и буднично Ильхт рассказывал о том, как сегодня дроу «очистили» очередной город. Сколько человек они с Тэйрантом убили во время той или иной бойни. Как «развлекались» с пленниками рядовые дроу – Ильхт не то чтобы одобрял такое поведение, но понимал, что надо давать солдатам развеяться.

А потом…

– Криста, как переводится слово «крага»? – не поднимая глаз, спросила я.

– Ошейник, – откликнулась девушка, скучающе вертевшая ручку в пальцах. – Записать?

– Да, будь добра.

Я продолжила продираться сквозь текст, уже догадываясь, о каких ошейниках собственного изобретения повествует Ильхт.

Поскольку Тэйрант и Ильхт не планировали уничтожать магов, они принялись искать иные методы борьбы с ними. Но магов проще убить, чем пленить. Чтобы они не доставляли неприятностей своим тюремщикам, нужно лишить их возможности колдовать, заблокировать их способности – и Ильхт нашёл способ. Он вывел невероятно сложную магическую формулу, сотворив те ошейники, что красовались на нас с Кристой; ошейники, не только блокировавшие магический дар, но и каравшие болью за попытку сопротивления. Непокорного пленника било нечто вроде электрического импульса, приводившего к параличу на несколько часов, после чего у большинства резко отпадало желание бунтовать. А при попытке снять ошейник в горло узника вонзались острые шипы: Ильхт с сожалением отмечал, что смерть недолгая, но достаточно мучительная, чтобы…

Не в силах читать дальше, я захлопнула книгу, – наконец осознав, о каком своём «предке» говорил Лод.

– Ты чего? – нахмурилась Криста, когда я встала из-за стола и прошла к постели.

– Хватит с меня на сегодня. Давай спать.

– Предыдущие дни до отключки сидела, – не унималась та. – И взгляд у тебя… Всё в порядке?

Всё же моя сокамерница куда более чуткая, чем могло показаться…

– В порядке, насколько это возможно, когда сидишь в плену у дроу. Но я устала. Надо давать себе отдых, иначе усвоение материала замедлится.

– Правильно, – закивала Криста, успокоившись. – А то ты и так на днях с больным горлом ходила. Перенапряжёшься, ещё разболеешься…

В другой момент меня, наверное, тронула бы забота в её голосе. Сейчас я просто легла, уставившись в потолок – и ощущая внутри лишь тревожную черноту.

…Лод не соврал. Он и вправду усовершенствовал ошейники. Управление пленниками стало куда более… мягким. И простым. Хочешь не хочешь, а всё равно сделаешь то, чего желает твой тюремщик – добровольно-принудительно. Да и попытка освободиться больше не приводила к моментальной гибели.

Только вот дела это особо не меняло.

Так мнимое милосердие колдуна и правда маска? Желание развлечься на свой лад? Может, и Ильхт был похож на своего потомка: приятным, улыбчивым снаружи, прятавшим гниль и чёрную сталь внутри?..

Криста устроилась рядом, блаженно зарывшись лицом в подушку, – и я сжала кулаки.

…бежать. Как можно скорее.

Потому что нельзя долго находиться рядом с тиграми, которые могут проголодаться в любой момент.

Глава 3
Мастера игры за чёрных

На четвёртый день нашего заключения Лод возобновил работу с Кристой. В этот раз у сокамерницы хватило ума после пятого кристалла сказать «пожалуй, больше не стоит», однако по дороге в спальню её всё равно пошатывало. Потом настало время нашей с колдуном беседы, не особо отличавшейся от предыдущих. Разве что допрашивали меня не о компьютерах, а о самолётах и метро, – и, послушно отвечая на вопросы, я куда пристальнее наблюдала за наследником Ильхта Злобного.

…к чему эта забота о моём здоровье? Почему он до сих пор не выкачивает из меня энергию? Хочет вызнать всё необходимое? Но я бы и так рассказала всё, что он прикажет, а под пытками поведала и то, чего сама не знаю. Может, он всё-таки не…

Нет. Нельзя искать ему оправдания. Нужно всегда готовиться к худшему, тогда удары судьбы покажутся не такими болезненными. А уж искать хорошее во враге – увольте: не собираюсь становиться героиней истории о стокгольмском синдроме.

– …и как же они поднимаются в воздух? Если они такие огромные и целиком состоят из металла? – Светлые глаза колдуна лучились любопытством; я уже заметила, что они меняют цвет и сейчас отливали бледно-голубым в тон его новой рубашки. – Твоя предшественница так и не смогла этого объяснить.

…дарить потомку местного Сарумана такие глаза – преступление. Вспоминаешь о зеркале души и думаешь, что обладатель этих глаз не способен на большее преступление, чем в сердцах пнуть приставучую собачку. И то немедленно раскается и угостит собачку колбасой.

Впрочем, я этой поговорке никогда не верила, – а Саруман тоже успешно маскировал гнилую натуру белыми одеждами и чарующим голосом.

– Там очень мощные двигатели, – покорно откликнулась я, опустив взгляд и уставившись на его руки. – Они заставляют его взлетать. А крылья разделяют поток воздуха так, что над верхней кромкой образуется область низкого давления… хм… а вы знаете, что такое давление?

– Мы же не дикари, – усмехнулся Лод. – У нас есть лофтвоги. У вас они, кажется, зовут барметрами.

– Барометрами. Так вот, над верхней кромкой образуется низкое давление, а под нижней – высокое…

Я запнулась – заметив то, чего не замечала прежде. Тонкое серебряное кольцо на указательном пальце правой руки колдуна, с мудрёной рунной насечкой, выполненной золотом.

Перед глазами мгновенно всплыла отчётливая, чуть размытая дымкой близорукости картинка: решётка в темнице и рука короля на ней… с точно таким же кольцом.

Мысли сами собой побежали в нужном направлении, подбрасывая другие воспоминания и другие картинки. Рисунок рун на наших ошейниках. Он почти полностью копирует насечку на кольцах. А «мэнэзжиру» когда-то удалось убить двоих дроу…

…кольца. Вот что повелевает ошейниками. И, похоже, их всего два: у колдуна и у короля. Потому-то они и имеют над нами власть, – другие дроу, похоже, не могут отдавать пленникам магические приказы. Следовательно, достаточно каким-то образом раздобыть кольца, и…

– Снезжана?

– Простите, задумалась. Да… давление! Под нижней кромкой образуется область высокого давления, – немедля продолжила я, – крыло выталкивается наверх, и самолёт поднимается…

Во взгляде колдуна плескалось пытливое удивление, но я не могла позволить ему понять. И, взяв себя в руки, до самого прихода Морти я вела себя как обычно. Не молчала, думая о своём, но и больше обычного не болтала. Вроде бы Лод успокоился, – а с появлением любовницы, как обычно, вовсе обо мне забыл.

Только вот я ничего не забыла.

– Криста, иди в ванную, – ворвавшись в комнату, велела я.

Сокамерница сонно потянулась, восстанавливая силы после новой порции кристаллов:

– Зачем?

– Примем душ.

– Что, вместе? – округлила глаза та.

– Да, вместе.

Бесцеремонно сдёрнув сокамерницу с кровати, я поволокла её в ванную.

…и у стен есть уши. Особенно у вражеских стен. Я не могла обезопасить нас во время моих занятий риджийским, но, если тюремщики узнают о моём знании языка, это полбеды. А вот доверить им то, что я знаю о кольцах, никак нельзя.

Прикрыв дверь, я выкрутила все вентили. Когда комнату огласил шум воды, усадила Кристу на эмалированный бортик и приблизила лицо к её уху, для надёжности прикрыв губы ладонью:

– Я поняла, с помощью чего можно управлять ошейниками.

В ответ на мой шёпот Кристины брови в изумлении поползли вверх.

– И как?..

– Кольца. У короля и у колдуна есть по кольцу, которые связаны с ошейниками. – Я знала, что за шумом воды нас невозможно расслышать. – Если заполучим кольца, сможем освободиться. Думаю, – честно добавила я.

– Думаешь?!

– Конечно, я постараюсь всё проверить, прежде чем действовать. Но зачатки плана – лучше, чем полное отсутствие плана, согласись.

Криста задумчиво закусила губу.

– Осталось всего три дня, – нервно заметила она затем.

– Почти столько же, сколько было. Ещё полно времени. – Я решительно прикрутила вентили. – Верь мне.

После обеда вновь пришло время опротивевших мне «Записок». Я пролистала записи до самого конца войны, но Ильхт нигде не упоминал о кольцах. Может, их тоже придумал Лод

в качестве усовершенствования?.. Это осложняло задачу – немедленно проверить верность своей догадки я не могла. Значит, придётся действовать другими методами и искать другие книги.

Последним я и собиралась заняться, когда пересказала Кристе «Собственника» [17], запомнила ещё три пергамента риджийских слов и вышла в гостиную. Где меня ждал сюрприз.

– А, Снезжана, – радушно улыбнулся Лод, восседавший за столом в компании любовницы, шахматной доски и Повелителя дроу. – Как раз вовремя. Кажется, ты обещала как-нибудь со мной сыграть.

Король сидел напротив колдуна, со стороны белых. Лод играл чёрными. Машинально оценив ситуацию на доске, перевеса в чью-либо сторону я не заметила. Морти наблюдала за игрой, присев на ручку кресла колдуна и поигрывая метательным ножичком, зажатым между пальцами.

Дроу покосился на меня, поспешно согнувшуюся в поклоне. Окинув брезгливым взглядом мои босые ноги и нищенский наряд, вновь воззрился на доску.

– *Фу сагнир саз?* – процедил он, и я перевела вопрос как «что ты сказал ей?».

– *Ех виль гьерра саз мев мьер смилав,* – откликнулся колдун.

«Хочу, чтобы она со мной сыграла».

– *Вэхь, вэхь, вэхь,* – ухмыльнулся король.

Перевода этих слов я не знала, но поняла, что это нечто вроде «а, ну-ну».

– Извините, – произнесла я как можно вежливее, на всякий случай не разгибая спины. – Настроение не шахматное.

– И зачем же тогда ты вышла, если не за шахматами? Других занятий здесь у тебя вроде бы нет. Но если ты хотела сыграть одна, то почему не хочешь играть со мной?

А ведь прав, зараза.

– Я… просто… не хочу. Не с вами. Простите. – Подняв голову, я выдавила из себя улыбку, надеясь, что она вышла извиняющейся. – Мы всё же не друзья, сами понимаете.

В его ответной улыбке не было обиды. А вот угроза – была.

– Лучше соглашайся, – произнёс Лод мягко. – Я ведь и приказать могу. Ты же знаешь.

Я застыла, чувствуя, как гнев поднимается от сердца к напрягшемуся горлу и покрасневшим щекам. Ироничный взгляд любовницы колдуна и презрительный – короля лишь усугубляли ситуацию.

…никогда не думала, что придётся ощутить себя чужой куклой. Куклой колдуна, ха, как в песне поётся. Захотели поиграть – взяли с полки, и плевать на твоё согласие. Надоела – бросили в одиночестве.

Значит, хочешь поиграть, дорогой кукловод. Ладно.

Поиграем.

Щурясь, я выпрямилась и кивнула, – и все трое мигом потеряли ко мне интерес. Морти встала и метнула кинжал в мишень для дротиков, попав в десятку. Дроу забрал чёрного коня, колдун, поддавшись на элементарную ловушку, съел его пешку – и оказался под угрозой мата в один ход от белого ферзя.

– *Мирлист мьер и тах фер,* – усмехнулся король, когда Лод задумчиво склонил голову.

«Похоже, мне сегодня везёт».

– *Сьял,* – рассеянно проговорил колдун, делая следующий ход, вроде никак не спасающий положение. Белый ферзь дроу всё равно забрал чёрного коня, и теперь от вражеского короля его отделял единственный ход и одна жалкая пешка.

«Посмотрим»…

И тут я увидела, какую грандиозную ловушку расставил колдун.

---

[17] Один из романов Голсуорси, составляющих серию «Сага о Форсайтах».

Махнув ладьёй почти через всю вертикаль «е», Лод забрал вражеского коня – и оказался прямо перед белым королём.

– Мат, – произнёс он на русском.

Дроу лихорадочно устранил ладью вторым конём, но поздно – атака захлебнулась. А я уже видела продолжение изящной комбинации чёрных: пожертвовать ферзём, развязав себе руки, двумя слонами загнать белого короля в угол – и…

– Шахь и маут, – мрачно проговорил дроу, поднимаясь из-за стола. – *Хэпин гёйринн.*

Похоже, в цензурном варианте это означало «счастливчик». По крайней мере, «хэпин» переводилось как «везучий», а вот «гёйринн»… Слово было незнакомым, но, судя по тону короля, явно служило местной альтернативой чему-то вроде «засранца».

– *Гёвур лэйкур.* – Лод кивнул на освободившееся кресло, и фигуры сами собой вернулись на исходные позиции. – Прошу, Снезжана.

«Хорошая игра». Не поспоришь. Довольно умно пожертвовать качеством фигур, ради победы разменяв двух коней и ферзя.

И впрямь хорошая игра… для того, кто играет с недальновидным противником.

– *Ог хвав эрту ас рэйна ас санна?* – поинтересовалась Морти, когда я села на место короля. Снова метнула кинжал, неизменно попав в десятку, но миг спустя оружие неведомым образом вернулось в её ладонь.

«И что ты хочешь этим доказать?»

– *Эккьерт. Эн ех мун экки гефаст урт.* – Колдун улыбнулся мне. – Ходи.

«Ничего. Но поддаваться я не буду». Странные слова. С чего Лод должен мне поддаваться?.. Впрочем, не суть важно.

Я размяла пальцы, мстительно хрустнув костяшками, и шагнула белой пешкой на е4.

Я разгадала стиль колдуна: он был близок мне самой. Смелая, рискованная, комбинационная игра. Грандиозные многоходовые ловушки. Он загонял противника в ситуацию, когда тот не мог пойти иначе, чем ему уготовано. Он понимал ценность каждой фигуры и, понимая это, не боялся ими жертвовать.

Но я знала, что нужно этому стилю противопоставить.

За семнадцать ходов всё было кончено.

– Шах и мат, – сказала я, удовлетворённо откидываясь на спинку кресла.

Ничто не могло доставить мне большего удовольствия, чем тяжёлое молчание колдуна напротив меня, короля – рядом и Морти, которая наблюдала за игрой, прислонившись спиной к стене.

Комбинационный стиль легко контрить быстрой, агрессивной позиционной игрой. Не давать противнику действовать по его правилам, навязывать свою игру, ломать все комбинации, вынуждая к быстрому маневрированию, атаковать немедленно, молниеносно и яростно – и ему конец.

Я знала это, потому что когда-то так обыгрывали меня.

Молчание наконец разбили негромкие хлопки:

– *Ва! Ех са локс Лод глатафур!* – воскликнула Морти, смеясь и аплодируя.

«Ничего себе! Я наконец увидела, как Лод проиграл!»

– *Ех сагли фьер, саз хун эр мьох клар,* – невозмутимо откликнулся колдун.

«Я же говорил, она очень умна».

– *Эрту кларари?* – недоверчиво качнул головой король, неотрывно следивший за поединком.

«Умнее тебя?»

– *Ну финна ут.* – Лод безмятежно улыбнулся мне: «Сейчас выясним». – Ещё одну?

Я улыбнулась в ответ, за показной наглостью пряча растерянность:

– Вам одного поражения не хватило?

…он говорил, что я очень умна. А это значит…

– Мне не хватило одной партии с достойным противником, – поправил Лод. – Если выиграешь, проведу тебе… как это… экскурсью по дворцу и по городу. Даже ненадолго из-под гор могу вывести.

– А если проиграю?

Его улыбка стала шире.

– Тогда перестанешь притворяться дурочкой и прикидываться, что не понимаешь, о чём мы говорим.

По спине моей пробежал обречённый холодок.

…а это значит, что нас с Кристой всё-таки подслушивали. И хорошо если не подглядывали.

– Откуда вы знаете? – Отпираться я не стала. Это было бы глупо, особенно учитывая, что я подозревала подобный исход.

– Даже если бы ошейники не позволяли мне наблюдать за всеми вашими действиями, а пергаменты не отражали все записи на копиях, которые лежат у меня… Глупо было бы полагать, что при твоём уровне интеллекта ты предпочтёшь сидеть беспомощной. Всё равно что глухой.

– Шахматы – не всегда объективный показатель интеллекта.

Я ругала себя за глупость. Он ведь говорил, что может в любой момент узнать, где мы! А я и не предположила, что ошейник можно использовать в качестве камеры наблюдения. Думала, скорее как маячок, навигатор… Да и со свитками хорошо придумано, – хотя мне сразу не понравилось, что они очищаются сами собой.

– В данном случае – очень объективный. И ты проявила себя… как я и рассчитывал, – с губ колдуна сорвался тихий смешок. – Играем?

…так вот к чему были угрозы. Он *заставил* меня разозлиться – чтобы я обыграла его. Чтобы захотела сорвать маску и поставить его на место. Просчитал мои действия, выстроил комбинацию и осуществил её – безупречно, как на шахматной доске.

А он *действительно* умён.

Вот только зачем ему…

Из задумчивости меня вывел глухой деревянный стук: дроу снова развлекалась с метательным ножом и мишенью.

– Играем, – сдержанно кивнула я. В конце концов, мне вряд ли будет трудно обставить колдуна второй раз, – а выбраться на разведку по окрестностям, если он сдержит обещание насчёт экскурсии, мне *очень* нужно.

Фигуры расставились по местам. Доска сама собой повернулась, предоставив мне право ходить чёрными, и Лод весело произнёс:

– Только теперь немного поменяем правила.

– В смысле?

Щёлкнув пальцами, колдун достал из воздуха две широкие шёлковые ленты:

– Сыграем вслепую.

Увидев ленты, король присвистнул. Морти застыла, заведя руку с кинжалом для очередного броска.

– И кто будет двигать фигуры? – свистящим выдохом сорвалось с моих губ, когда прошёл первый миг оторопи. – Простите, но вашим друзьям я не доверяю.

– Ты и правда думаешь, что я создал обычную доску? – Лод демонстративно сложил руки на коленях. – Конь b1 на c3.

Я мотнула головой, даже не дождавшись момента, когда белая фигура, подчинившись словам колдуна, сама собой скакнула на указанную клетку.

…он не может всерьёз предлагать мне сыграть вслепую. Он же не потянет, величайшие гроссмейстеры зачастую не тянули! Концентрировались на той части доски, где сейчас происходит действие, упуская остальное, – и это признанные мастера, игравшие с детства, годами тренировавшие память. Что-то не так, где-то есть подвох, и понять бы…

– Снезжана, зачем мне жульничать? В случае проигрыша я не теряю ничего особенного, в случае выигрыша – ничего особенного не приобретаю. – Лод развёл руками; повинуясь его движению, конь вернулся на исходную позицию. – А вот ты…

А вот мне просто необходимо прогуляться по дворцу, разнюхав расположение выходов, и по городу – чтобы узнать, как выбраться из-под гор. Не поспоришь.

– Ладно, – равнодушно ответила я, прежде чем снять очки и положить их на стол. – Давайте свою повязку.

Ленты поручили завязывать Морти. Вначале дроу занялась колдуном, пока король наблюдал за происходящим с таким заинтересованным видом, будто для полного счастья ему только попкорна не хватает.

– *Хирва, Морти,* – нетерпеливо сказал Лод девушке, колдовавшей с узлом на его затылке. – *Альхт айтти ас вейра сангьярн.*

«Туже, Морти. Всё должно быть честно». Как я и думала… дроу не прочь подсудить любовнику.

Девушка в ответ виновато улыбнулась и, затянув узел как положено, поцеловала колдуна в щёку. А если они просто играют на публику, и на деле повязка так и осталась ослабленной, открывая обзор? Или он наколдовал себе зрение сквозь ткань?.. Но нет, тогда ему вообще нет смысла связываться с повязкой – он мог просто завязать глаза мне одной. Я же кукла, игрушка, он вправе делать со мной всё, что хочет, и плевать на честность.

Похоже, он и правда хочет сыграть вслепую. Узнать предел своих возможностей: своих и моих. Эта партия для него – дело принципа.

Только вот я по-прежнему не понимала, зачем ему это.

Дроу занялась мной, и вскоре мир перед глазами скрылся в плотной шёлковой черноте. Ничего, я часто разыгрывала партии в уме. С моей-то памятью… а вот колдуну придётся нелегко.

– Готова?

– Да. – С завязанными глазами собственный голос слышался странно, будто бы со стороны.

– Отлично. Пешка e2 на e4.

…и очень скоро выяснилось, что из нас двоих фатально недооценил своего противника отнюдь не колдун.

Лод не просто прекрасно представлял перед глазами доску – он мгновенно подстроился под другой стиль игры. Поняв, что я не попадаюсь в его ловушки, больше не выстраивал комбинаций, наращивал позиционное преимущество маневрированием, потихоньку, осторожно, не рискуя. Моя агрессия встречала глухую оборону. Мои ловушки просчитывались и игнорировались.

Мы оба логично, холодно и последовательно сковывали действия вражеских фигур и умело координировали маневры собственных, пытаясь загнать войска противника в «котёл»[18]. И оба потихоньку, без видимых преимуществ разменивали одну фигуру за другой.

Игра затягивалась. В черноте перед глазами плыли разноцветные пятна, живот начинал заискивающе урчать, моля об ужине, но мне было плевать: жаркая волна азарта захлёстывала с головой, оставляя мысли кристально ясными. Я не помнила, когда в последний раз получала такое удовольствие от игры. Даже в Сети мне редко попадались достойные противники;

[18] Окружение (военный термин).

даже самая высокая сложность противостояния с компьютером давно не доставляла серьёзных неприятностей. О партии вслепую я могла только мечтать. Но Лод… С ним я чувствовала – впервые в жизни, – что каждый ход, каждый миг хожу по лезвию ножа, – и поймала себя на понимании, что мне это до дрожи нравится.

На сто двадцать седьмом ходу, после того как колдун забрал мою последнюю пешку, у нас осталось по две фигуры – король и слон. Но я уже знала, чем всё закончится.

– Король на f7, – сказала я, сделав ход на ментальной доске перед моими глазами.

– Король на f5, – почти мгновенно откликнулся Лод.

Я знала, что он тоже знает.

– Слон на c7.

Мягкий стук мрамора по мрамору, потом – мрамора по дереву. Я забрала последнего слона Лода, и фигурка спрыгнула прочь с доски.

– Король на d4, – произнёс колдун.

Я услышала, как фигура сделала ход, – и промолчала.

Игра окончилась. У него осталась одна фигура, у меня – две… но их было недостаточно, чтобы поставить мат.

– Ничья, – сказала я.

– Ничья, – согласился мой противник.

Я стащила повязку на лоб, увидев, как Лод делает то же. Нашарив на столешнице очки, вернула их на переносицу. Наконец посмотрела на доску – точно такую, какой я её себе представляла. Потом – в глаза колдуна, сиявшие так, что без слов стало ясно: он ждал этого всю свою жизнь.

Как и я.

…я спрашивала себя, зачем ему это. А ему просто требовалось доказательство, что он не ошибся. Что странная невзрачная девочка из другого мира, за три дня выучившая чужой язык, действительно так умна, как ему показалось. Что впервые в жизни он встретился с кем-то равным себе.

И до этого момента – до настоящего момента, когда я смотрела в его лицо и чувствовала, как часто бьётся моё сердце, как растягивает губы непрошеная улыбка, как под кожей разливается тепло, словно кто-то ввёл мне в вены концентрат чистой радости, – я не понимала, как остро мне нужно то же.

Король дроу откинулся на спинку кресла со странным смешком. Морти, примостившаяся на краешке стола, тихонько спрыгнула на пол, – и я только сейчас осознала, что за время поединка оба не издали ни звука.

– *Лискен, фу ерт герф фирир хверт анназ,* – развязывая узел на повязке колдуна, серьёзно произнесла дроу.

«Слушай, да вы созданы друг для друга»… Смешно.

– *Мьох фэнтихъ,* – отмахнулся Лод. «Очень смешно»… даже тут он со мной согласен, ха. – Что ж. Будем считать, мы оба обязаны выполнить обещанное?

Я вздохнула – и старательно произнесла:

– Как хотите.

На риджийском это прозвучало как *«эйнс ог фу вильт»*.

Услышав родную речь из моих уст, Морти изумлённо расширила глаза. Зато король лишь усмехнулся и поморщился:

– Произношение как у лошади.

Я не обиделась. Сама прекрасно знала, что риджийский, особенно устный, мне ещё учить и учить. Хотя, честно говоря, Криста в последнее время уже почти меня не поправляла…

– Брось, Алья, ты до сих пор даже «шах и мат» не можешь правильно выговорить, – хмыкнула Морти, возившаяся с моей повязкой. Укоризненно качнула головой. – А ведь как убедительно притворялась, что меня не понимает!

– Ладно, Лод. Я рад, что твоя новая зверушка оказалась довольно умна, но мне пора. – Король дроу, зевая, поднялся с кресла – и плотоядно улыбнулся мне. – Раз уж ты понимаешь мои слова, передай подружке, что наше свидание уже скоро. Пускай готовится.

Взметнув длинными, ниже лопаток, волосами, Повелитель дроу удалился, смыв всю мою радость ледяной волной пренебрежения.

– Милый братец, – качнула головой Морти, наконец справившись с лентой. Тут же забыв о моём существовании, отвернулась и тронула Лода за рукав. – Пойдём? На сегодня с меня хватит шахмат.

Последнее слово, перекочевавшее в риджийский из русского, она выговорила забавно: «шахьмэт». Права была Криста – у всех, кроме Лода, не только с нашими именами, но и с нашим языком проблема…

– Да, пожалуй. – Колдун взял дроу за руку, и пальцы их переплелись: белые, как слоновая кость, и пепельные, как серый жемчуг. – До завтра, Снезжана, – добавил Лод на русском, щелчком пальцев заставляя повязки исчезнуть. – Убери доску, если больше не будешь играть.

Я проводила парочку взглядом.

Яростно смела фигуры в корзину, едва удержавшись от того, чтобы не швырнуть доску следом.

…чему обрадовалась, дура? Ждал колдун этого всю жизнь, как же. Плевать ему на тебя, не считая той пользы, которую ты можешь принести, и тех редких моментов, в которые ты можешь его развлечь. А острый ум делает его лишь более опасным тюремщиком. Одна победа и одна хорошая партия не меняют того, что ты – пленница дроу, сволочей, равняющих тебя с комнатной собачкой.

Не о шахматах надо думать, а о том, как раздобыть кольца. И о том, сколько их нужно – оба или только одно.

Желудок пульсировал голодной болью, пока я перерывала книжный шкаф в поисках полезных томов. Прихватив пару магических трактатов, явно написанных местными колдунами, направилась в спальню, надеясь, что Криста не съела мою порцию.

…бродячий кот, вот я кто. Бродячий облезлый кот, который по воле судьбы угодил к тем, кто не слишком любит котов. И если я попадусь новым хозяевам на глаза, в хорошем настроении со мной поиграют, а в дурном – скажи спасибо, если просто не обратят внимания вместо того, чтобы пнуть…

– Ты играла с ним в шахматы?! – взвилась сокамерница, как только за мной закрылась дверь. – С этим садистом и его дружком-извращенцем?!

– Играла. – Кинув толстые тома прямо на пол, я набросилась на ждавшую меня еду. – А ты, значит, наконец набралась смелости, чтобы подглядывать?

– Немножко. – Криста, похоже, смутилась. – А кто эта… девица, которая была с ними?

– Любовниша колжуна, – прошамкала я с набитым ртом.

Криста внимательно следила, как я ем:

– И что случилось?

– С чего ты взяла, что что-то случилось?

– Ты втыкаешь вилку в мясо так, будто это чей-то глаз.

Я остервенело насадила на серебряные зубчики кусок картошки.

– Просто голодная.

И представила на месте картошки палец короля дроу – с кольцом.

Я просидела над книгами почти всю ночь, выискивая в них что-нибудь полезное. Пролистав те, которые уже взяла, сходила в гостиную за другими – без толку. Криста легла спать без

меня, и о значении некоторых слов приходилось догадываться по общему смыслу, но в любом случае там не обнаружилось ничего ни про ошейники, ни про кольца.

На всякий случай я пролистала «Записки» до конца. Заметки Ильхта обрывались накануне генерального сражения с людьми и эльфами; дальше их вёл его ученик, который вкратце описал исход битвы.

«Лепреконы зашли сзади, и наше войско оказалось между молотом и наковальней. Повелителя убили. Мастер Ильхт погиб, защищая его тело. Он успел приказать нам отступать, но лишь тридцать из нас спаслись. Мы не сможем обеспечить Мастеру достойное погребение, а проклятые светлые наверняка осквернят его останки, однако дело его будет жить»…

Действительно, будет. Я уже успела убедиться. «Проклятые светлые»… ха, и кто тут на самом деле проклят?

Ещё ученик Ильхта писал, что теперь для уцелевших «дело чести помочь вдове Мастера и вырастить его дочь так, как это сделал бы её собственный отец. У неё есть Дар, и он велик. Быть может, впоследствии она выберет кого-то из нас в мужья и не даст роду Миркрихэйр оборваться».

Судя по живому и здоровому Лоду, так оно и получилось.

По «Запискам» я поняла, что маги жили в среднем вдвое-втрое дольше обычных людей. Сто лет для них – расцвет сил. Таким образом, хоть с войны и минуло уже триста лет, Лод вполне мог быть всего-навсего правнуком Ильхта. А теоретически где-то ещё можно найти живых участников решающей битвы…

Почерк тех, кто вёл записи, менялся ещё четыре раза. Порой встречались упоминания о попаданцах, но маги лишь удивлялись, что за странную легенду придумали светлые для своих шпионов: из другого мира они, видите ли! И отмечали, что у всех наблюдается необычайной силы колдовской дар, с которым, по счастью, всё же справляются ошейники Ильхта. М-да… похоже, только мне повезло не получить приятных бонусов при переходе в другой мир. Как утопленнику, – каковым я, в принципе, и являлась.

И никаких подробностей по поводу ошейника. Впрочем, для магов, которые вели записи, всё было понятно; а вот почему Ильхт в своё время не записал всех тонкостей? Попросту объяснил ученикам на словах? Скорее всего. А даже если б записал… в таком случае при уме Лода эту книгу точно не оставили бы в шкафу, куда могут добраться пленницы.

При уме Лода…

И тут я поняла, что и эту книгу вряд ли оставили в шкафу случайно.

Последнюю запись сделали восемнадцать лет назад. Писавший констатировал, что сегодня отбывает на «переговоры, которые должны перевернуть всю эту глупую, прискорбную ситуацию, чтобы народ дроу вновь занял свои законные земли». Он сожалел, что его маленький сын (по имени Лодберг) не сможет присутствовать на этом историческом событии, как и дети Повелителя (наследный принц Альянэл, принцесса Мортиара и маленькая принцесса Литиллия). Но дело довольно опасное, ведь неясно, на что способны эти светлые…

Следующие страницы были девственно-чистыми, – однако я уже знала, чем окончились эти переговоры.

Значит, отец Лода принимал участие в резне, о которой рассказывала Криста. А Лод отхватил себе в любовницы сестру Повелителя, и тот как будто не против. Третью сестру, Литиллию, я пока не видела, но, может, и она как-нибудь заглянет посмотреть на шахматную партию брата и Лода…

Отчаявшись найти что-то действительно полезное, я всё же отправилась спать. Утро вечера мудренее, а мудрость мне пригодилась бы – ещё как. Время поджимало, а я так и не придумала, как же вызнать необходимую информацию.

Но утром, когда после завтрака мы с Кристой вышли в гостиную, меня снова ждал сюрприз.

– Доброе утро. Криста, садись. А ты, Снезжана, возьми вот это. – Лод, сидевший на привычном месте, протянул мне аккуратную стопку с одеждой. – Переоденься. Сапоги найдёшь в шкафу, надеюсь, они тебе подойдут.

– Зачем? – подозрительно поинтересовалась я.

– Потому что платья, судя по всему, оказались тебе не по размеру. А в таком виде, – колдун смерил меня взглядом, – разгуливать по столице… неправильно. Да и босиком далеко не уйдёшь.

– Вы покажете мне… то, что обещали? – уточнила я, не доверяя своим ушам.

– Ты выполнила свою часть сделки. Почему я должен был не выполнить свою?

Криста переводила изумлённый взгляд с колдуна на меня и обратно, пока я недоверчиво брала предложенную одежду.

Он действительно сдержит слово? Так скоро?..

– Уходим сразу, как я закончу с Кристой, – добавил Лод. – Поторопись.

В стопке оказался льняной корсаж под грудь, блузка без ворота, высокие чулки и бархатная юбка чуть ниже колена. Блузка белая, с короткими рукавами-фонариками, а юбка и корсаж – шоколадные, будто под цвет моих волос или оправы очков. Одежда села, будто на меня и шили, да и длинные, до колена, замшевые сапоги оказались впору. Я предпочла бы штаны, да и чулки никогда в жизни не носила, но в прежнем наряде действительно в город не сунешься.

Пока я ломала голову, как бы самостоятельно затянуть заднюю шнуровку корсажа, в комнату ворвалась Криста. Успокаивающе бодрая: видимо, сегодня Лод её пощадил.

– И куда это вы с ним собрались? – без обиняков спросила она, захлопнув дверь.

– Лод обещал показать мне дворец. И город. Возможно, он выведет меня из-под гор, и я посмотрю, что там, наверху. – Я бросила корсаж на кровать. – Вчера я обыграла его в шахматы, и он…

– *Лод?* Ты уже по имени его зовёшь?

– Эм… – я сама впервые с удивлением осознала этот факт, – ну, как видишь.

Криста сощурилась.

– Ну да, – на удивление спокойно и задумчиво протянула она наконец, – Повелитель-то их гадина страшная, а колдун вроде ничего. На безрыбье…

До меня не сразу дошло, что она имеет в виду. А когда дошло – я закатила глаза так высоко, что на пару секунд мне показалось, будто мои глазные яблоки так навсегда и застрянут в черепе.

– Криста, я понимаю, что ты перечитала своего янг-эдалта, в котором, я так понимаю, просто обязана присутствовать романтическая линия, – но, к твоему сведению, у меня в Москве остался парень, а у Лода есть любовница. Принцесса, если на то пошло.

Я не стала добавлять, что мне светит разве что титул королевы френдзоны. Кому-то вроде Кристы вываливать подноготную наших с Сашкой отношений я точно не собиралась – соврать было проще.

– Когда это мужикам даже законные жёны мешали налево сходить?

Я почти ощутила, как невидимое лезвие её слов ковырнуло застарелую рану на сердце.

Туше.

– Не спорю, мне невероятно льстит твоё мнение, что кто-то может променять прекрасную принцессу дроу на чучело вроде меня. Но даже будь Лод в этом заинтересован, для чего мир определённо должен сойти с ума, я не слишком заинтересована в том, для кого я – материал для опытов. – Сообразив, что зачем-то оправдываюсь, да ещё перед кем-то вроде Кристы, я сердито скрестила руки на груди. – Моя первоочередная цель – оказаться подальше от дроу. И от колдуна тоже. Сыграть с ним в шахматы и прогуляться под луной – не такая большая плата за то, чтобы через пару дней все эти сволочи подавились от злости.

В ответном вздохе сокамерницы извинение мешалось с облегчением.

– Извини. Я просто подумала… если этот колдун решил тебе мозги запудрить, чтобы ты бежать раздумала… Ладно, забудь. – Криста подхватила брошенный мною корсаж. – Давай помогу.

Пока Криста затягивала шнуровку, я в замешательстве осознала, что в свою очередь испытываю облегчение. От того, что сумела её успокоить. От того, что мои оправдания сработали.

Как будто мне правда было в чём оправдываться.

– Хорошо выглядишь, – удивлённо проговорила Криста, когда с корсажем было покончено. Затянули его не сильно – это всё-таки корсаж, а не корсет, – но блузка всё равно теперь интригующе вздымалась там, где у меня самой вздыматься было решительно нечему.

– Спасибо на добром слове, – буркнула я. Хотя чего раздражаться: прекрасно же знаю, что лицом не удалась, а ниже шеи похожа на мальчишку. Плечи сутулые, груди нет, бёдра узкие, талии почти не видно. Ноги-спички, не слишком-то длинные и не слишком-то прямые. Хорошо хоть худая, а то представляю, как бы моя фигура смотрелась в утолщённом варианте – наверное, шкаф в нашей комнате и то казался бы симпатичнее…

Напоследок велев Кристе сидеть в комнате и не нарываться на неприятности, я вернулась в гостиную.

– Собралась? – Лод, прислонившийся плечом к каминной полке, одобрительно кивнул. – Смотрю, одежда подошла.

– Да. Спасибо.

– Благодари Морти, не меня, – голос колдуна окрасила странная, едва заметная горечь. – Это вещи её сестры. – Накинув поверх рубашки кожаную куртку, Лод повёл меня к узкой винтовой лестнице, по которой несколько дней назад мы поднялись в эту башню. – Идём. Только не отставай.

Я послушно зашагала следом, пытаясь понять, чем заслужила такую честь, как одежда младшей принцессы. Впрочем, размышления длились недолго: как только мы покинули башню, стало не до того.

Дворец дроу оказался не слишком большим – всего в три этажа, да по углам расположились четыре высокие башни. Одну занимал Лод, другую – темнейшее семейство, в третьей проводили государственные советы, в четвёртой устроили библиотеку. В качестве внутренней отделки дроу предпочитали серебро и чёрный мрамор, и в отличие от покоев колдуна убранство дворца блистало неким мрачным шиком. Лод любезно вёл меня по широким коридорам с высокими потолками и большими окнами, повествуя, что скрывается за боковыми дверьми; по пути мы не встретили ни души.

– …эта ведёт в обеденный зал. Кухня находится под ним, на первом этаже. Здесь вход в женское крыло, там живут достольсинс… на вашем языке – придворные дамы. А вот и дверь в башню Повелителя.

– Почему возле неё нет стражников?

– Они не нужны, – пожал плечами колдун. – Проникнуть в город почти невозможно. Если даже удастся, моих охранных систем на входе во дворец вполне достаточно. В самом крайнем случае Алья сам прекрасно постоит за себя… а Морти поможет.

– Но если на его жизнь покусится кто-то из своих?

Колдун покосился на меня – взгляд его холодила ирония.

– Если вы пережили кораблекрушение и оказались в маленькой шлюпке посреди огромного недружелюбного океана, лишь глупец попытается улучшить эту ситуацию, пробив дыру в днище.

Бедные несчастные дроу. Сейчас расплачусь. А что насчёт того, что свой корабль они потопили сами?..

– А дроу, стало быть, не глупы, – сказала я.

– Отнюдь.

По широкой витой лестнице спустившись на первый этаж, мы подошли к огромным двустворчатым дверям, ведущим в сад, – и Лод протянул мне ладонь:

– Дай руку.

– Зачем? – настороженно уточнила я, зачем-то разглядывая его пальцы. Они у колдуна были сухие, крепкие, не слишком длинные – совсем не такие, как у Сашки с его нервными, тонкопалыми, музыкальными пятернями.

– Затем, что разрешение на выход я тебе давать не собираюсь, а иначе охранные чары тебя не пропустят.

– Разрешение?..

– Во дворец можно войти лишь по моему приглашению. Или приглашению Альи. И выйти без нашего разрешения никак нельзя. Разрешение звучит как строго определённая последовательность слов, – усмешка, – которую я тебе, конечно же, не скажу. Так что, дашь руку?

Приняв объяснения, я вложила свою ладонь в его. Когда мы переступали порог, меня будто окатило холодной водой, но тело осталось абсолютно сухим.

– Это и есть ваши охранные системы? – спросила я, когда мы вышли в сад. – Это ощущение…

– Да. – Колдун незамедлительно отпустил мою руку, точно при более длительном контакте его могло шарахнуть током.

– И что, такое на всех дверях из дворца?

– Да. И на садовой ограде тоже.

Я качнула головой. Может врать, конечно… но если не врёт, это сильно осложняет дело. Получается, нужно либо обманом, либо принуждением разводить его на нужные слова, но какие? И как?..

Мы шли извилистыми каменными дорожками между светящимися розами. Полюбовались блеклыми деревьями, похожими на яблони, и чёрным прудом посреди сада, поросшим пепельными листьями кувшинок. Потом Лод подвёл меня к резным чугунным воротам, ведущим в город.

Соприкосновение ладоней, уже знакомое ощущение водяной завесы – и мы вышли в город дроу.

Над улицами, мощёнными тёмным камнем, тянулась сверкающая сеть фонарей. Мы шли мимо небольших, прекрасно отделанных особняков с тонкой резьбой на беломраморных стенах. Вокруг них не было серьёзных оград, лишь низкие, по пояс, каменные заборчики, отделявшие улицу от садиков у домов. В вечной тьме они порастали высокой серой травой и светящимися розами, и цветами, похожими на ирисы, тоже сиявшими во мраке. Там и тут рассыпали брызги мраморные фонтаны, мозаичные садовые дорожки покрывал тонкий слой воды. Должно быть, по ним приятно шлёпать босиком – словно по ручью вброд.

Из открытых окон неслись обрывки разговоров, весёлые крики, детский смех. Где-то играли на флейте. В одном окне я увидела девушку-дроу за ткацким станком: низким, грудным, бархатным голосом она напевала песню на риджийском. Жителей на улицах было немного, но те дроу, что изредка попадались навстречу, удостаивали меня недоумённо-презрительными взглядами. Недоумёнными – когда видели моё лицо, презрительными – когда замечали ошейник.

А вот Лоду в знак приветствия уважительно кивали. Похоже, потомок Ильхта в столице был персоной известной.

Вскоре улочки стали у`же, а особняки и сады меньше, но я бы не сказала, что здешние дроу одевались беднее или выглядели несчастнее тех, что встречались нам в центре. Мужчины, высокие и поджарые, с серебром длинных волос, щеголяли в шелках и бархате. Обворожи-

тельные женщины проплывали мимо в платьях, достойных подиумов модных домов. Похоже, разница между различными социальными слоями была не слишком велика.

– Мы приближаемся к окраине? – спросила я.

– Да. Мьёркт – город маленький. Как и остальные города дроу, впрочем… И как тебе?

Я помолчала.

Конечно, презрительные взгляды оставались презрительными взглядами; но кровь улицы не заливала, трупы повсеместно не валялись, а на площадях даже не думали казнить или пытать борцов с тиранией венценосной серой сволочи. Не слишком-то похоже на мрачное пристанище злобных тёмных тварей – просто красивый город.

– Впечатляет, – наконец сформулировала я.

– Весьма дипломатичный ответ. – Колдун указал на узкий боковой проулочек. – Сюда.

Когда мы покинули город, я попыталась неумело присвистнуть. Моему взгляду предстала отвесная каменная стена – свод пещеры, уползавший ввысь и терявшийся во тьме; наверх вела крутая лестница, вырубленная прямо в камне.

– Нам туда? – оценив высоту подъёма, содрогнулась я.

– Это единственный путь из столицы, на котором нет ловушек. Если подняться по этой лестнице, окажешься в туннеле, который выведет наружу. Выход односторонний. Выпускает всех, не впускает никого.

– Опять охранные чары?

– Да. Только на этот раз даже моё приглашение не поможет. А светлым, желающим попасть сюда, придётся долго блуждать по запутанным туннелям и разбираться с ловушками дроу – смертельными. Да и моими ловушками, только уже магическими… вот они не всегда смертельны. – Лод усмехнулся. – Какие-то из них то и дело срабатывают.

– И какая часть из них *не* смертельна?

– Меньшая. – Колдун внезапно взял меня за плечи и, бесцеремонно прижав к себе, заставил уткнуться лбом в его плечо. Очки больно врезались в переносицу. – Держись.

– Что…

В висках заломило, земля ушла из-под ног, и темнота перед глазами закружилась неясным маревом форм и звуков. Я судорожно вцепилась в Лода, а мир вращался бешеной каруселью, и холодный ветер трепал мои волосы, пока мы летели куда-то…

…а потом – мягко приземлились.

Когда колдун выпустил меня из цепкой хватки, позволив поправить очки и оглядеться, я обнаружила, что мы оказались на горном утёсе, а вокруг царит летняя ночь. Видимо, дроу даже под горами не изменили своим привычкам: бодрствовать в то время, когда эльфы и люди спят. Сапоги утопали в ковре густой травы, низкорослых стелющихся кустарничков и странных пушистых колосков на тонких стеблях, достающих до колена. Впереди раскинулась Риджия: ленточки рек, серебряных в свете луны, зеркальца озёр, леса и поля, купающиеся в серебристо-сапфирной мгле. Вдали – скопище огней. Должно быть, это и есть Тьядри? Тот город, из которого приехала Криста…

Влево и вправо тянулась горная гряда. В свете неполной луны – картинно яркой и большой – я видела, что хребты внизу лесистые, но лысеют по мере возвышения. Обернувшись, узрела уползающую ввысь громаду горы, оледенившуюся снежной шапкой на далёкой вершине.

Вся эта картинка была до того красивой, что казалась нереальной.

Значит, вот она, Риджия… и долгожданная свобода. Прямо под ногами, так близко, что рукой подать.

Но тонкая полоска серебра, ласково обвивавшая шею, сковывала меня по рукам и ногам надёжнее, чем десять цепей.

– Взбираться наверх по лестнице вышло бы слишком долго, – пояснил Лод, – так что я решил сократить дорогу.

Я кивнула, поёжившись: из-за прохладного ветра обнажённые руки тут же покрылись мурашками.

Небо. Воздух. Луна… Надо же – до этого момента я даже не понимала, что мне их не хватает.

– Я же обещал вывести тебя из-под гор. – Колдун снял куртку и накинул мне на плечи. Подобная забота удивила, но под нагретой кожей, надёжно защищавшей от ветра, мигом стало теплее. – А ещё… здесь нас никто не услышит.

Происходящее резко мне разонравилось.

– А о чём мы собираемся говорить? – по возможности невозмутимо уточнила я.

Лод улыбнулся; лунный свет был таким ярким, что его лицо виделось отчётливо, словно при свечах.

– Вы с Кристой так и намерены скрывать, кто она на самом деле?

Сердце пропустило удар.

Знал. Конечно же знал.

При его интеллекте – глупо было полагать, что не знал.

– И давно вы?.. – голос сам собой сделался хриплым.

– Я слушал ваши разговоры. Если ты осведомлён о ситуации при эльфийском дворе, не догадаться, кто такие Дэн и Фаник, довольно трудно. – Лод, нагнувшись, сорвал один из колосков под ногами. – Девушка из другого мира по имени Криста? Тут нетрудно свести концы с концами.

– А Повелитель… Альянэл…

– Он не знает. Она одета по моде эльфийского двора, но внешность у неё вполне обыденная для полукровки с помесью эльфийской и человеческой крови. Кристаэль – довольно распространённое имя. Что именно она кричала в темнице, Алья не слышал. Что она из другого мира, я не сказал. – Лод провёл по губам кончиком колоса, серым и пушистым, похожим на крохотный беличий хвостик. – Нам доносили, что возлюбленная принца выехала из столицы. Потом сообщили, что принц Дэнимон тоже покинул город, причём в сопровождении одного лишь приятеля-колдуна. А уже вчера принца и его спутника заметили в Тьядри… Я опасался, что тут Алья смекнёт, ради кого принц мог так спешить, но, к счастью, не смекнул. Считает новую пленницу придворной дамой, не более.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.